Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

А. Богдановъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ОДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

Н. ГАРИНЪ:

I томъ: ДѢТСТВО ТЕМЫ.—*Четвертое изданіе.*—Неудачный день.—Наказаніе —Прощеніе.—Старый колодецъ.—Наемный дворъ.—Поступленіе въ гимназію.—Будни.—Ивановъ.—Ябеда.—Въ Америку.—Экзамены.—Отецъ.—***Цѣна 1 руб.***

II томъ: ГИМНАЗИСТЫ.—*Четвертое изданіе.*—Отъѣздъ старыхъ друзей въ морской корпусъ.—Новые друзья и враги.—Мать и товарищи. Гимназія.—Журналъ.—Вервицкій и Беренда.—Пропойцы.—Экзамены.—Семья Корнева.—Пикникъ.—Дорога.—***Цѣна 1 р.***

III томъ: СТУДЕНТЫ. — *Второе изданіе.*—Тёма и его друзья.—Изъ семейной хроники.—***Цѣна 1 руб.***

IV томъ: ИНЖЕНЕРЫ. ***Цѣна 1 руб.***

V томъ: РАЗСКАЗЫ.—Клотильда.—Бабушка.—Дворецъ Дима.—Исповѣдь отца.—Когда-то.—Коротенькая жизнь.—Счастливый день.—Ицка и Давыдка.—Еврейскій погромъ.—Старый еврей.—Художникъ.—Геній.—Вероника.—Ревекка.—Два мгновенья.—Вальнекъ-Вальновскій.—На практикѣ.—***Цѣна 1 руб.***

VI томъ: РАЗСКАЗЫ. Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ.—Немальцевъ.—На ночлегѣ.—На станціи.—Картинки Волыни.—Наташа.—Адочка.—Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой.—***Цѣна 1 руб.***

VII томъ: ДЕРЕВЕНСКІЯ ПАНОРАМЫ. — Бабушка Степанида.—Акулина.—Дикій человѣкъ.—На селѣ.—Матренины деньги.—На ходу.—Сочельникъ въ русской деревнѣ.—***Цѣна 1 руб.***

VIII томъ: ПЬЕСЫ и РАЗСКАЗЫ. (*Печатается*).

Н. Гаринъ. ПО КОРЕѢ, МАНЬЧЖУРІИ и ЛЯОДУНСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ.

Путешествія. ***Цѣна 1 руб.***

Н. Гаринъ. КОРЕЙСКІЯ СКАЗКИ.

Сказки и легенды (64). ***Цѣна 60 коп.***

С. КОНДУРУШКИНЪ. Сирійскіе разсказы.—Хараба.—Единственная непріятность.—Англичанка.—Шагинъ Хадля.—Баядерка.—Акулина въ Триполи.—Абу Масудъ.—Могильщикъ.—Узналъ, узналъ.—Горе Халиля.—Ко-ко-ко.—Два минарета.—На рубежѣ пустыни.
Художественная обложка и иллюстраціи *Е. Е. Лансере*.—***Цѣна 1 руб.***

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (С.-Петербургъ, Невскій, 92)

А. Богдановъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ОДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Типографія Спб. акц. общества „СЛОВО". Улица Жуковскаго, 2.

А. БОГДАНОВЪ.

РИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ

Приключенія одной философской школы.

Для всякаго внимательнаго наблюдателя, способнаго, не поддаваясь впечатлѣніямъ момента, охватывать ходъ жизни въ его цѣломъ и въ его послѣдовательности, очевидно, что общественныя силы нашей страны далеко еще не пришли къ тому равновѣсію, которымъ заканчиваются эпохи кризисовъ и начинаются эпохи спокойнаго, „органическаго“ развитія. Такое равновѣсіе достигается тогда, когда устанавливается коренное соотвѣтствіе между „производительными силами“ общества съ одной стороны, и его „имущественными отношеніями“ вмѣстѣ съ „политически-правовой надстройкой“—съ другой стороны. Для Россіи это означаетъ: или дѣйствительное разрѣшеніе аграрнаго вопроса и демократическій правовой строй;—или разрушеніе производительныхъ силъ, до уровня, приблизительно, Турціи, при чемъ онѣ уже не оказались бы въ существенномъ противорѣчіи съ господствомъ помѣщичьей кабалы въ аграрныхъ отношеніяхъ и бюрократіи въ политической жизни;—или дѣйствительный аграрный и политическій компромиссъ, т. е. перестройка поземельныхъ отношеній, приблизительно, по типу прусской, юнкерско буржуазной ихъ организаціи, съ умѣренно-конституціоннымъ строемъ, и опять-таки съ достаточнымъ разрушеніемъ производительныхъ силъ, въ этомъ случаѣ, конечно—частичнымъ, но все-же довольно глубокимъ. Ни одного изъ этихъ трехъ исходовъ на-лицо еще нѣтъ; слѣдовательно, кризисъ не исчерпанъ...

При такихъ условіяхъ, переживаемое затишье въ борьбѣ общественныхъ силъ можетъ имѣть только одно значеніе: кризисъ ушелъ внутрь, его работа продолжается въ глубинѣ, гдѣ формируется экономическое и правовое сознаніе общественныхъ классовъ, гдѣ совершается предварительная организація общественныхъ силъ, организація классовыхъ настроеній и идей. Есть много данныхъ, позволяющихъ утверждать, что процессъ этотъ идетъ съ огромной быстротой даже среди крестьянской массы, такой инертной и консервативной въ „органическія“ эпохи. Что касается пролетаріата—это классъ, который не знаетъ ни остановки, ни отдыха въ развитіи своего сознанія, разъ оно проснулось. Онъ пережилъ за это время больше всѣхъ другихъ классовъ, и теперь со всей энергіей отдается дѣлу усвоенія и систематизаціи своего гигантскаго опыта.

Такое положеніе вещей—внѣшнее затишье, за которымъ скрывается огромная идеологически-организаціонная работа—для теоретиковъ пролетарской борьбы представляетъ наиболѣе подходящія условія, чтобы усиленно заняться тѣми областями пролетарской идеологіи, которыя наименѣе разработаны, потому что всего дальше отстоятъ отъ непосредственной классовой борьбы. Такова область философіи. Надо воспользоваться „удобнымъ“ временемъ, чтобы и здѣсь внести какъ можно больше пролетарской ясности идей, опредѣленности и чистоты тенденцій. Возобновится гроза—и снова будетъ „не до философіи“. А между тѣмъ философская цѣльность міровоззрѣнія какъ нельзя болѣе важна для отчетливаго пониманія смысла и цѣлей общественной борьбы, для неуклоннаго проведенія въ ней выдержанной классовой тактики. Философія есть высшая организующая форма классовой идеологіи,—форма, въ которой резюмируются и подъ контролемъ которой находятся всѣ остальныя.

Вотъ почему я считаю умѣстнымъ и своевременнымъ спеціально заняться въ этой статьѣ критикою философскихъ мнѣній, довольно распространенныхъ, повидимому, въ нашей средѣ, и въ то же время отмѣченныхъ, по моему

глубокому убѣжденію, печатью не пролетарскаго по существу эклектизма—компромисса идей. Я имѣю въ виду школу Плеханова. Отнестись къ ней съ особеннымъ вниманіемъ критика должна также и потому, что школа эта открыто предъявляетъ притязанія быть единственной и исключительной представительницей пролетарской философіи.

Нѣкоторые мои товарищи и я самъ не разъ уже выступали противъ идей и притязаній Плеханова съ его учениками. Въ этой статьѣ я хочу дать болѣе или менѣе систематичную картину ихъ философской дѣятельности.

Начну съ состава школы. Ея руководители—Г. В. Плехановъ и Н. Бельтовъ—въ высшей степени близки между собою по взглядамъ, если не считать кое-какихъ противорѣчій въ частностяхъ, которыя я отмѣчу въ дальнѣйшемъ. Затѣмъ слѣдуютъ: Л. Ортодоксъ, Н. Рахметовъ, Н. Рах—овъ, А. Деборинъ. Всѣ они открыто и офиціально признаютъ Плеханова своимъ учителемъ. Въ ихъ воззрѣніяхъ можно найти извѣстную путаницу, но абсолютно никогда и никакой оппозиціи по отношенію къ лидерамъ. Такимъ образомъ, школа является очень сплоченной и однородной—обстоятельство, весьма благопріятное, конечно, для нея самой, но также и для изслѣдующей критики...

Приключеніе I: матерія—вещь въ себѣ.

Школа Плеханова называетъ себя матеріалистической, и всю свою картину міра строитъ на основѣ „матеріи“. Но если бы читатель предположилъ, что это—та обыкновенная матерія, которую изучаютъ физика и химія, законы движенія которой изслѣдовалъ Ньютонъ, та матерія, которой Лавуазье выдалъ патентъ на вѣчность, а современная теорія электричества собирается отнять,—матерія, сводящаяся къ инерціи, непроницаемости, цвѣту, температурѣ и вообще всякимъ „чувственнымъ свойствамъ“,—если бы читатель предположилъ, что именно на ней покоится философское зданіе нашихъ „матеріалистовъ“,—то онъ жестоко ошибся бы. Нѣтъ, э т а матерія, по ихъ мнѣнію, недостаточно прочна и солидна. Она вся лежитъ въ сферѣ о п ы т а; а что такое опытъ? Опытъ есть только „наши собственныя ощущенія, и образы предметовъ, вырастающіе на ихъ основѣ“, какъ говоритъ Плехановъ (примѣч. къ Л. „Фейербаху“ Энгельса, изд. 1905 г., стр 97), или „совокупность субъективныхъ ощущеній“, какъ выражается Ортодоксъ („Философскіе очерки“, стр. 84), это—„вся сумма моихъ индивидуальныхъ переживаній, моихъ познавательныхъ актовъ и ихъ результатовъ, отпластовавшихся въ моемъ сознаніи“, словомъ—„внутренній міръ“ отдѣльной психики, какъ полагаетъ Н. Рах—овъ („Къ философіи марксизма“, 1908 г., стр. 16—17). Словомъ, „опытъ“, по единогласному приговору всей школы, т о л ь к о субъективенъ, т о л ь к о индивидуаленъ, т о л ь к о психиченъ. Таковы всѣ „явленія“, съ

которыми непосредственно имѣетъ дѣло наука, — хотя бы эти явленія и назывались физическими, матеріальными и еще какъ тамъ угодно. Понятно, что не о нихъ, не о вульгарной эмпирической „матеріи“ идетъ рѣчь въ философіи нашихъ матеріалистовъ.

— Но о какой же еще?—спроситъ читатель.

О матеріи, которая есть—вещь въ себѣ.

Если опытъ весь есть не болѣе, какъ „субъективныя впечатлѣнія“, то для него требуется съ одной стороны, субъектъ, который получаетъ „впечатлѣнія“, съ другой стороны—нѣчто такое, отъ чего субъектъ получаетъ эти впечатлѣнія. Субъектъ—это „я“, тотъ самый, по ироническому выраженію Маркса, „собственникъ переживаній“, которому принадлежатъ всѣ эти „впечатлѣнія“, „ощущенія“, образующія „опытъ“, и въ произведеніяхъ плехановской школы неизмѣнно сопутствуемыя эпитетомъ „мои“ (для разнообразія иногда—„наши“, но отнюдь не въ смыслѣ коллективной собственности на „переживанія“). А то, что производитъ въ „субъектѣ“ впечатлѣнія, это—„объектъ“ или „вещи въ себѣ“ или „матерія“.

Читателю интересно, разумѣется, узнать разныя подробности объ этой особенной „матеріи“, которая не принадлежитъ къ опыту, но скрывается подъ нимъ, какъ его „объективная“ основа. Я тоже очень интересовался этимъ, и постараюсь добросовѣстно представить читателю весь матеріалъ, какой мнѣ удалось собрать относительно этого въ произведеніяхъ школы.

„Въ противоположность „духу“,—заявляетъ К. Бельтовъ,—„матеріей“ называютъ то, что, дѣйствуя на наши органы чувствъ, вызываетъ въ насъ тѣ или другія ощущенія. Что же именно дѣйствуетъ на наши органы чувствъ? На этотъ вопросъ я, вмѣстѣ съ Кантомъ, отвѣчаю: вещи въ себѣ. Стало-быть, матерія есть не что иное, какъ совокупность вещей въ себѣ, поскольку эти вещи являются

источникомъ нашихъ ощущеній" („Критика нашихъ критиковъ", стр. 233).

Въ этой формулѣ, дающей опредѣленіе „матеріи", нѣсколько страннымъ образомъ фигурируютъ „органы чувствъ". Я позволилъ себѣ заинтересоваться вопросомъ—что такое сами эти „органы чувствъ" — „матерія" или „опытъ". Н. Рах—овъ очень любезно объяснилъ мнѣ въ своей брошюрѣ, что „для матеріалиста они представляютъ собою въ каждомъ данномъ случаѣ и вещь въ себѣ, и явленіе, смотря по тому, съ какой стороны къ нимъ подойти", но что „въ интересующей насъ гносеологической проблемѣ органы чувствъ, какъ таковые, не играютъ никакой роли: они лишь передаточный инструментъ, если можно такъ выразиться" („Къ философіи марксизма", стр. 75.). Такимъ образомъ отъ приведеннаго выше опредѣленія у насъ остается одно: „матерія" есть причина ощущеній.

Это, какъ-будто, немного, и вы хотѣли бы узнать еще что-нибудь; но, пытаясь навести справки, вы сразу наталкиваетесь на весьма обезкураживающія заявленія. Плехановъ сообщаетъ:

„ ..... матеріалисты никогда не утверждали, что мы знаемъ, каковы вещи сами по себѣ, т. е. независимо отъ ихъ дѣйствія на насъ, а только утверждали, что эти вещи извѣстны намъ именно потому, что онѣ дѣйствуютъ на наши органы чувствъ, и именно въ той мѣрѣ, въ какой онѣ на нихъ дѣйствуютъ. „Намъ неизвѣстны ни сущность, ни истинная природа матеріи,—говоритъ Гольбахъ, — хотя по ея дѣйствію на насъ мы можемъ судить о нѣкоторыхъ ея свойствахъ.... Для насъ матерія есть то, что такъ или иначе дѣйствуетъ на наши чувства" („Примѣчанія къ „Л. Фейербаху" Энгельса, стр. 100).

Дальше Плехановъ даетъ, правда, на первый взглядъ болѣе утѣшительное поясненіе: „..... если,—говоритъ онъ,— мы, благодаря дѣйствію на насъ вещей самихъ по себѣ, знаемъ нѣкоторыя свойства этихъ вещей, то намъ, вопреки Гольбаху, до нѣкоторой степени извѣстна

и ихъ природа: вѣдь природа вещи обнаруживается именно въ ея свойствахъ....." (стр. 101; курсивы самого Плеханова). Но это „до нѣкоторой степени", очевидно, ничего не прибавляетъ и не измѣняетъ въ позиціи Гольбаха: онъ, вѣдь, говорилъ о „природѣ" матеріи самой по себѣ, а не о „природѣ" ея чувственныхъ отраженій; если извѣстна только вторая, это и значитъ, что ничего неизвѣстно о первой; и утѣшенія никакого не получается.

Сопоставьте еще съ этимъ слѣдующее поясненіе Плеханова: „....если я допускаю, что улитка такъ или иначе „видитъ" внѣшній міръ, то я вынужденъ признать, что тотъ „видъ", въ какомъ представляется внѣшній міръ улиткѣ, самъ обусловливается свойствами этого реально-существующаго міра...." (стр. 104). Вотъ эти-то „свойства", которыми обусловливаются представленія какъ улитки, такъ и человѣка, они-то и интересны, они-то и представляютъ „истинную природу" матеріи самой по себѣ; а объ нихъ у насъ только и остается, что они, во-первыхъ, существуютъ, а во-вторыхъ.... во-вторыхъ—неизвѣстны.

Ортодоксъ договариваетъ то, что не договорено Плехановымъ; по поводу вопроса — что такое матерія, — онъ говоритъ:

„ ....такой вопросъ лишенъ всякаго научнаго смысла и всякаго разумнаго содержанія. Матерія есть матерія, она первоначальный фактъ, исходный пунктъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго опыта, потому что „никакое дѣйствіе невозможно иначе какъ на матерію и черезъ матерію" (слова Клодъ Бернара. А. Б.). А разъ матерія первоначальный фактъ, то естественно, что ее нельзя опредѣлять другой причиной, лежащей внѣ ея самой,—а отсюда слѣдуетъ, что матерія познается нами посредствомъ ея дѣйствія на насъ" („Философскіе очерки", стр. 74).

„Познается посредствомъ ея дѣйствія"—это и значитъ, что познается только ея дѣйствіе, а сама она не познается, да при этомъ вамъ еще запрещаютъ спрашивать, что она

такое. И легче ли вамъ отъ того, что занимающій васъ *иксъ объявляютъ „первоначальнымъ фактомъ“*? Напротивъ, тѣмъ интереснѣе было бы узнать о немъ хоть что-нибудь. А между тѣмъ—вы не смѣете спрашивать. Самый вопросъ есть уже ересь, и, пожалуй, даже не въ философскомъ, а въ религіозномъ смыслѣ слова:

„Дать абсолютное и законченное опредѣленіе матеріи, разумѣется, невозможно, — разъясняетъ А. Деборинъ,—потому что оно предполагаетъ знаніе всей совокупности вещей и свойствъ (Господи! да кто же и когда требовалъ такихъ ужасовъ, какъ абсолютное и законченное опредѣленіе? А. Б.). Опредѣлять же матерію, которая является первоосновой всего сущаго, другой причиной такъ же нелѣпо или столь же основательно, сколь основательно требовать отъ теолога объясненія относительно причины его бога“ („Соврем. Жизнь“ 1907, 2, стр. 205—206).

Я настаивалъ на томъ, что понятіе настолько неопредѣленное и неопредѣлимое не можетъ быть основою какого бы то ни было философскаго міровоззрѣнія. Вотъ что отвѣчалъ мнѣ Н. Рах—овъ:

„Матерія есть именно то, что лежитъ въ основѣ историческаго и умственнаго развитія людей (А умственное-то развитіе—не историческое? А. Б.). Вотъ и все. Болѣе точнаго отвѣта философія дать не можетъ; чтобы получить его, надо обратиться къ другимъ наукамъ, прежде всего къ естествознанію, затѣмъ къ исторіи....“ („Къ философіи марксизма“, стр. 76).

Итакъ, обращаемся къ естествознанію: тамъ-то ужъ мы, конечно, получимъ ясные и точные отвѣты; таковъ языкъ этой науки—и не бываетъ инымъ.

„Что такое матерія?“—спрашиваемъ мы.—Этимъ именемъ обозначается, — начинаетъ естествознаніе свой отвѣтъ,—опредѣленная группа явленій....—Постойте,—перебиваемъ мы,—не объ этомъ идетъ дѣло. Вы говорите объ явленіяхъ, т е. объ опытѣ?—Да, конечно,—удивленно

отвѣчаетъ оно,—о чемъ же еще?—Намъ надо о той матеріи, которая внѣ опыта; намъ обѣщалъ Н. Рах — овъ, что вы намъ „точнѣе опредѣлите“ эту матерію, а то, видите ли, „философія“ не можетъ: вмѣсто опредѣленія получается только повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ. — Не знаю, о чемъ вы говорите,—холодно заявляетъ естествознаніе: — мое дѣло — опытъ; что внѣ его — то меня не касается. Васъ, очевидно, направили не по адресу. И г-на Н. Рах—ова я тоже не знаю.... совсѣмъ не знаю.

Но оставимъ явно-неразрѣшимый для школы вопросъ о прямомъ опредѣленіи ея „матеріи“, и будемъ искать хоть косвенныхъ указаній относительно того, что она изъ себя представляетъ.

Прежде всего, если „матерія“ есть причина ощущеній, то законъ причинности къ ней, значитъ, примѣнимъ. Въ этомъ Плехановъ видитъ главное преимущество своей „вещи въ себѣ“ передъ Кантовскою, которая непознаваема, такъ что и законъ причинности къ ней, по настоящему, не примѣнимъ, и „причиной“ явленій она быть не можетъ, вопреки самому Канту.

Да, но вотъ вопросъ—откуда взялось это преимущество плехановской „вещи“?

Законъ причинности возникъ изъ опыта, это несомнѣнно, и этого не отрицаютъ наши матеріалисты. А „вещь въ себѣ“ лежитъ внѣ опыта, c'est son métier, какъ сказалъ бы Гейне *),—вѣдь только это мы пока о ней и узнали. Какимъ же образомъ законъ причинности попалъ за предѣлы опыта? Не есть ли это явное нарушеніе границъ, незаконное вторженіе закона явленій въ чуждую ему область, — настоящее „превышеніе власти“? Несомнѣнно, да. Положеніе получается ненормальное. Выходовъ изъ него можетъ быть только два:

или остаться при утвержденіи, что „истинная природа матеріи намъ неизвѣстна“,—и тогда отказаться отъ примѣ-

*) „Это ея ремесло“.

ненія своего устава въ завѣдомо чужомъ монастырѣ, закона опыта въ мірѣ внѣ-опытномъ;

или серьезно признать законъ причинности примѣнимымъ къ „вещамъ въ себѣ“, и тогда отказаться отъ печальной мысли, что ихъ „истинная природа“, за исключеніемъ свойства порождать ощущенія, намъ „неизвѣстна“, а сказать прямо, что она такова же, какъ и „природа“ опыта.

Первый выходъ ведетъ къ кантіанству, второй—къ эмпиріомонизму. Первый едва ли кого-нибудь у насъ соблазнитъ, и о немъ говорить особо не приходится. Второй я поясню пока въ немногихъ словахъ.

Міръ опыта, физическаго и психическаго, весь слагается изъ элементовъ — цвѣтовыхъ, пространственныхъ, звуковыхъ, тепловыхъ, тактильныхъ и т. д. Комбинаціи этихъ элементовъ образуютъ различныя „явленія“, какъ „физическія“, такъ и „психическія“. Если законъ причинности, выведенный для всѣхъ этихъ явленій, т. е. для міра элементовъ, связанныхъ различными отношеніями, примѣнимъ также и къ „вещамъ въ себѣ“, при чемъ даже именно онъ-то и служитъ непосредственной связью между „явленіями“ и „вещами“, то ясно, что и „явленія“ и „вещи въ себѣ“ имѣютъ одну и ту же природу. „Вещи въ себѣ“ представляютъ тогда прямое продолженіе міра элементовъ опыта, и сами онѣ—только комбинаціи элементовъ, такихъ же, и, можетъ быть, еще какихъ-нибудь иныхъ, намъ пока неизвѣстныхъ, но только элементовъ, по существу не отличающихся отъ элементовъ опыта. И тогда передъ познаніемъ выступаетъ задача—опредѣлить, каковы тѣ комбинаціи элементовъ, которыя образуютъ „вещи въ себѣ“,—задача, можетъ быть, трудная, но принципіально разрѣшимая... Эмпиріомонизмъ даетъ способъ ея разрѣшенія.

До какой степени неизбѣжны изложенные мною здѣсь выводы, если, признавая „вещь въ себѣ“, признать и примѣнимость къ ней закона причинности, это показываетъ слѣдующее разсужденіе Н. Бельтова. Желая иллюстрировать

отношеніе „вещи въ себѣ“ и „явленія“, онъ пользуется такой, заимствованной у Спенсера, аналогіей:

„Представимъ себѣ цилиндръ и кубъ. Цилиндръ есть субъектъ; кубъ—объектъ. Тѣнь, падающая отъ куба на цилиндръ, есть представленіе. Эта тѣнь совсѣмъ не похожа на кубъ: прямыя линіи куба являются въ ней ломаными, его плоскія поверхности выгнутыми. И, несмотря на это, каждому измѣненію куба будетъ соотвѣтствовать измѣненіе его тѣни. Мы можемъ представить, что нѣчто подобное происходитъ въ процессѣ образованія представленій. Ощущенія, вызванныя въ субъектѣ дѣйствіемъ на него объекта, совсѣмъ не похожи на этотъ послѣдній, какъ не похожи они и на субъекта,—но тѣмъ не менѣе каждому измѣненію въ объектѣ соотвѣтствуетъ измѣненіе его дѣйствія на субъекта“... („Критика нашихъ критиковъ“, стр. 199).

Присмотритесь къ этому примѣру. Почему вообще возможно дѣйствіе объекта—куба на субъектъ—цилиндръ? Потому что они принадлежатъ къ одному и тому же міру элементовъ—къ геометрическимъ формамъ. Ихъ элементы—одного и того же типа, пространственные и цвѣтовые, въ разныхъ, конечно, комбинаціяхъ. Если бы „истинная природа“ ихъ была не одна и та же, — ну, напр., объектъ былъ кубъ, а субъектъ—мелодія,—то не было бы и дѣйствія „объекта“ на „субъектъ“, не было бы „тѣни“. И что такое эта тѣнь—представленіе въ примѣрѣ Бельтова-Спенсера? Опять-таки, комбинація тѣхъ же пространственныхъ и цвѣтовыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается и кубъ—объектъ, и цилиндръ—субъектъ, а отнюдь, не иныхъ,—напримѣръ, температурныхъ, элементовъ*). Оказывается, что „представленіе“

*) Разумѣется, какой-нибудь, положимъ, деревянный кубъ можетъ дѣйствовать на звучащую струну, измѣняя при этомъ и ея звукъ. Но это возможно именно потому, и только потому, что и деревянный кубъ, и звучащая струна принадлежатъ къ одному и тому же ряду комплексовъ—къ конкретному физическому опыту,—и заключаютъ въ себѣ массу элементовъ одного порядка: и здѣсь и тамъ элементы твердости, элементы пространственные, цвѣтовые, и т. д.

(а у Бельтова это означаетъ то же, что „опытъ“) не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ новой комбинаціей такихъ же элементовъ, изъ какихъ слагаются „вещи въ себѣ“. И значитъ, „природа“ этихъ „вещей“ принципіально вполнѣ установлена: это иныя сочетанія такихъ же элементовъ, какъ элементы опыта.

Кстати, замѣчу, что способъ выраженія, которымъ я здѣсь пользовался, излагая эти выводы, отнюдь не кажется мнѣ удачнымъ, и вообще не есть мой собственный, а навязанъ мнѣ тѣмъ, что исходной точкой мнѣ приходится брать чужія, критикуемыя мною, идеи. Всѣ эти „истинныя природы“, „вещи въ себѣ“ и прочія философскія „матеріи“ какъ нельзя болѣе способны, въ абстрактномъ примѣненіи, создавать путаницу и схоластическую атмосферу. Но—приходится толковать объ нихъ, разъ для нашихъ героевъ въ нихъ-то и заключается суть дѣла. И вотъ оказывается, что въ предѣлахъ своихъ собственныхъ посылокъ, они необходимо должны были бы прійти къ эмпиріомонистическому пониманію „вещей въ себѣ“, какъ дѣйствительнаго косвеннаго опыта какъ міра элементовъ, если бы только могли—додумать свою мысль до конца.

Перехожу къ вопросу о пространствѣ и времени. Что они такое? „Субъективныя формы созерцанія“,—въ согласіи съ Кантомъ,—отвѣчаютъ Плехановъ и Бельтовъ.—Но—не только субъективныя формы.

„...Весь вопросъ въ томъ, не соотвѣтствуютъ ли этимъ формамъ сознанія нѣкоторыя формы или отношенія вещей. Матеріалисты, разумѣется, не могутъ отвѣчать на этотъ вопросъ иначе, какъ утвердительно...“ И дальше Бельтовъ поясняетъ:

„...формы и отношенія вещей въ себѣ не могутъ быть таковы, какими они нами кажутся, т. е., какими они являются намъ, будучи „переведены“ въ нашей головѣ. Наши представленія о формахъ и отношеніяхъ вещей не болѣе, какъ гіероглифы; но эти гіероглифы точно обо-

значаютъ эти формы и отношенія, и этого достаточно, чтобы мы могли изучить дѣйствія на насъ вещей въ себѣ, и въ свою очередь воздѣйствовать на нихъ"... („Критика нашихъ критиковъ", стр. 234).

Все это было бы очень хорошо: гіероглифы, такъ гіероглифы. Но тутъ неожиданно возникаетъ серьезное недоразумѣніе между Н. Бельтовымъ и Плехановымъ. Н. Бельтовъ не сомнѣвается, что „вещи въ себѣ" имѣютъ опредѣленныя „формы", только эти формы намъ неизвѣстны, и мы вынуждены пробавляться ихъ „гіероглифами". А Плехановъ говоритъ совсѣмъ другое.

Онъ цитируетъ слѣдующія слова Сѣченова:

„...Каковы бы ни были предметы сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія,—пусть наши впечатлѣнія отъ нихъ будутъ лишь условными знаками,—во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Другими словами, сходства и различія, находимыя человѣкомъ между чувственными предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя". И по поводу этихъ словъ Плехановъ замѣчаетъ:

„Это вѣрно. Нужно только замѣтить, что г. Сѣченовъ не вполнѣ точно выражается. Когда онъ допускаетъ, что наши впечатлѣнія являются лишь условными знаками вещей самихъ по себѣ, то онъ какъ-будто признаетъ, что вещи сами по себѣ имѣютъ какой-то неизвѣстный намъ „видъ", недоступный нашему сознанію. Но вѣдь „видъ" есть именно только результатъ дѣйствія на насъ вещей самихъ по себѣ; помимо этого дѣйствія онѣ никакого „вида" не имѣютъ. Поэтому противопоставлять ихъ „видъ", — какъ онъ существуетъ въ нашемъ сознаніи, — тому ихъ „виду", какой онѣ будто-бы имѣютъ на самомъ дѣлѣ, значитъ не отдавать себѣ отчета въ томъ, какое понятіе связывается со словомъ „видъ". (Примѣчанія къ „Л. Фейербаху" Энгельса, изд. 1905 г., стр. 103).

Очевидно, что во всемъ приведенномъ разсужденіи

слово „видъ“ употребляется не въ узкомъ, оптическомъ, значеніи, а въ гораздо болѣе широкомъ—въ смыслѣ формы и свойствъ вообще. Если бы были какія-нибудь сомнѣнія относительно этого, то достаточно обратить вниманіе на текстъ цитаты изъ Сѣченова: въ ней слово „видъ“ вовсе не примѣнено ни разу, а говорится только о „сходствахъ“ и „различіяхъ“—выраженія, которыя относятся ко всякимъ „свойствамъ“; и однако Плехановъ критикуетъ эту формулировку, какъ дающую поводъ къ умозаключенію о какомъ-то собственномъ „видѣ“ вещей въ себѣ.—Такимъ образомъ, оказывается, что никакихъ свойствъ „сама въ себѣ“ вещь не имѣетъ; всѣ ея свойства—это чувственные „результаты ея дѣйствія на насъ“. И, слѣдовательно, эти чувственныя свойства вовсе не „гіероглифы“ формъ и отношеній вещей самихъ въ себѣ, потому что „формы“ и „отношенія“—это уже свойства, а ихъ тамъ нѣтъ, и нечего „гіероглифами“ обозначать, кромѣ нихъ же самихъ.

За вѣрность такого пониманія взглядовъ Плеханова ручается—самъ Плехановъ. Въ старомъ изданіи той же брошюры („Л. Фейербахъ“ Энгельса съ примѣч. Плеханова, изд. 1892 г.) въ этомъ мѣстѣ примѣчаній былс сказано:

„Наши ощущенія—это своего рода гіероглифы, доводящіе до нашего свѣдѣнія то, что происходитъ въ дѣйствительности. Гіероглифы не похожи на тѣ событія, которыя ими передаются. Но они могутъ совершенно вѣрно передавать какъ самыя событія, такъ—и это главное—тѣ отношенія, которыя между ними существуютъ“. (стр. 99). А въ изданіи 1905 года Плехановъ выкидываетъ эти фразы, передѣлывая всю эту часть примѣчанія, и поясняетъ: „...въ примѣчаніи къ первому изданію... я самъ выражался еще не совсѣмъ точно, и только впослѣдствіи почувствовалъ всѣ неудобства такой неточности“ (стр. 103).

Бельтовъ же, какъ мы видѣли, въ книгѣ 1906 года говоритъ именно объ „гіероглифахъ, выражающихъ формы и отношенія вещей самихъ въ себѣ“, т. е. признаетъ за

„вещами въ себѣ“ тотъ самый „видъ“ или свойства, которыя Плехановъ въ 1892 году признавалъ, а въ 1905 отвергъ. Съ точки зрѣнія Бельтова, напр., пространственнымъ отношеніямъ опыта „соотвѣтствуютъ нѣкоторыя формы или отношенія вещей“; съ точки зрѣнія Плеханова, вещи „въ самихъ себѣ“ не могутъ имѣть пространственнаго характера, ибо онъ уже означаетъ извѣстную „форму“ или „видъ“.

Я остановился на этомъ вопросѣ не для того, чтобы показать, какъ, въ сущности, мало столковались между собою главные писатели данной школы, несмотря на свою внѣшнюю солидарность. Это сравнительно не важно *). Но

*) Послѣдняя работа Плеханова—брошюра „Основные вопросы марксизма“—указываетъ, какъ будто, на рѣшительный поворотъ въ его взглядахъ, касающихся „матеріи“. Говорю—„какъ-будто“,—потому что ясной формулировки этого поворота тамъ нѣтъ. Тамъ просто игнорируется самый вопросъ о „вещахъ въ себѣ“. лежащихъ „по ту сторону явленій“, и дѣло идетъ только объ обыкновенныхъ „вещахъ“, которыя принимаются какъ „чувственные“ объекты, т. е. какъ данныя опыта. Но есть одно и такое мѣсто, которое можетъ быть истолковано, какъ прямой отказъ отъ прежнихъ воззрѣній. Плехановъ цитируетъ Фейербаха: „Я есмь я для самого себя, и ты—для другого. Но таковымъ я являюсь только какъ чувственное существо. Абстрактный же разсудокъ изолируетъ это для-себя-бытіе, какъ субстанцію, атомъ, я, богъ; поэтому связь для-себя-бытія съ бытіемъ-для-другого является у него произвольной. То, что мыслится мною внѣ чувственности (ohne Sinnlichkeit) мыслится внѣ всякой связи“. Къ этой цитатѣ Плехановъ дѣлаетъ два замѣчанія. Во-первыхъ, терминъ „чувственное“ онъ поясняетъ словами—„т. е. матеріальное“. Но такъ какъ „чувственность“—это и есть опытъ, и только опытъ, то оказывается, что ни о какой матеріи какъ „вещи въ себѣ“, матеріи внѣ опыта не можетъ уже быть и рѣчи; все сводится къ „чувственному“, т. е. къ явленію, опыту, „элементамъ“. Какъ-будто, все очень хорошо. Но... тутъ выступаетъ второе замѣчаніе Плеханова къ цитатѣ: „Мы очень рекомендуемъ эти слова Фейербаха вниманію г. Богданова“ (стр. 20). Что хотѣлъ этимъ сказать Плехановъ? Обратить мое вниманіе на то, что я солидаренъ съ Фейербахомъ въ этомъ случаѣ? Но я это, конечно, зналъ и раньше. Обратить мое вниманіе на то, что онъ, Плехановъ, переходитъ къ точкѣ зрѣнія Фейербаха, порывая съ полу-канті-

посмотрите—дѣло идетъ, вѣдь, объ основномъ философскомъ понятіи данной школы: до какой степени оно невыясненно, неопредѣленно, смутно! Что можетъ объяснять такое понятіе? И особенно, какъ можетъ оно объяснять опытъ въ его цѣломъ?

Поистинѣ, печальна роль „матеріи“ въ Плехановско-Бельтовской философіи. Берутся явленія опыта, и какъ явленія, изслѣдуются; но къ каждому изъ нихъ дѣлается примѣчаніе: а причина-де этого явленія, какъ и всѣхъ другихъ—матерія, которая дѣйствуетъ на наши чувства; свойства же ея самой по себѣ неизвѣстны, а то и вовсе ихъ нѣтъ, кромѣ свойства производить данныя явленія.—И никакого вывода изъ этого примѣчанія, никакой рабочей гипотезы; ко всякому явленію оно одинаково относится, и одинаково ничего не прибавляетъ. Безполезно и скучно!

Явленія опыта, хорошо или плохо, мы познаемъ, и кое-что о нихъ таки знаемъ. А для ихъ „объясненія“ намъ предлагаютъ такую „матерію“, которой „истинную природу“ мы знать не можемъ, „формы“ и „отношенія“ которой сами по себѣ намъ недоступны. Что это такое?

Отвѣтъ можно найти у Н. Рах—ова, одного изъ самыхъ младшихъ учениковъ школы:

„Что́ характерно для метафизики?—То, что познанное она стремится объяснить непознаваемымъ, доступное—неиспытуемымъ и неиспытываемымъ“. („Къ философіи марксизма“, стр. 34).

Это совершенно вѣрно, и это—приговоръ.

Свой запутанный и безплодный взглядъ на матерію Плехановъ, Бельтовъ и другіе стремятся во что бы то ни стало приписать Марксу и Энгельсу. Нечего и говорить, что это—большая несправедливость по отношенію къ

анской „вещью въ себѣ“? Не похоже и на это – тонъ, какъ-будто, полемическій... И опять все спутано и не ясно относительно „чувственности“ и „матеріи“.

Марксу и Энгельсу, и что *ихъ* произведеніями этого доказать нельзя. Приводились обыкновенно въ полемикѣ двѣ цитаты, сколько-нибудь подающія поводъ,—на первый взглядъ, конечно,—къ подобному смѣшенію. Первое мѣсто—изъ „Л. Фейербаха“ Энгельса (стр. 14—15 русс. пер.), гдѣ Энгельсъ, полемизируя съ кантіанцами и употребляя, поэтому, ихъ терминъ „вещи въ себѣ“, доказываетъ, что „вещи въ себѣ“ мы познаемъ, дѣлая ихъ (въ производствѣ и въ точной наукѣ) вещами *для насъ*. Но тутъ совершенно ясно, что Энгельсъ говоритъ о „вещахъ“ прямо, какъ данныхъ намъ *въ опытѣ*, и никакихъ намековъ на „неизвѣстную природу“ ихъ или на внѣ-опытный характеръ нѣтъ и слѣда. Другая цитата (изъ примѣчаній Маркса о Фейербахѣ) въ русск. переводѣ Г. Плеханова гласитъ: „Практикой долженъ доказать человѣкъ истину своего мышленія, т. е. доказать, что оно имѣетъ дѣйствительную силу и *не останавливается по сю сторону явленій*“ (курсивъ мой). Эта цитата въ серьезъ принималась и обсуждалась нѣкоторыми критиками Плеханова, потому что они *не догадывались ее свѣрить съ подлинникомъ*. По провѣркѣ же оказалось, что въ подлинникѣ написано *прямо противоположное*: „In der Praxis muss der Mensch die Wahrheit, d. h. die Wirklichkeit und Macht, *die Dies-seitigkeit seines Denkens beweisen*“ (стр. 60 „L. Feuerbach“ Engels'a, изд. 1903 года). Слова, которыя я отмѣтилъ курсивомъ, значатъ: „доказать по-сю-сторонность своего мышленія“. Отрицаніе „не“ переводчикъ-Плехановъ прибавилъ отъ себя, и получилась цитата въ пользу философа Плеханова.

Какъ смотрѣлъ на „вещи въ себѣ“, лежащія за предѣлами опыта, Фр. Энгельсъ, всего яснѣе показываетъ слѣдующее мѣсто изъ его предисловія къ англійскому изданію популярной брошюры „Развитіе научнаго соціализма“:

„...Но тутъ является нео-кантіанскій агностикъ, и говоритъ: да, мы можемъ до извѣстной степени правильно воспринять свойства вещи, но познать самое вещь путемъ

чувственнаго или мысленнаго процесса мы не въ состояніи. Эта вещь въ себѣ находится по ту сторону нашего знанія. На это давно уже отвѣтилъ Гегель: если вы знаете всѣ свойства какой-нибудь вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда уже ничего не остается, кромѣ того факта, что означенная вещь существуетъ внѣ насъ; а какъ только ваши чувства сообщили вамъ объ этомъ, вы познали и послѣдній остатокъ этой вещи, знаменитую непознаваемую вещь въ себѣ Канта.—Нынѣ же мы можемъ прибавить къ этому лишь то, что во времена Канта наше знаніе природныхъ вещей было настолько отрывочно, что оно давало поводъ къ предположенію за каждой изъ нихъ особой, таинственной вещи въ себѣ. Но съ тѣхъ поръ, благодаря колоссальному прогрессу науки, всѣ эти вещи, одна за другою, были познаны, анализированы и, болѣе того,— даже воспроизведены. И конечно, мы не можемъ назвать непознаваемымъ то, что мы въ состояніи сами производить. Для химіи въ первой половинѣ нашего столѣтія органическія вещества представляли подобныя таинственныя вещи. Теперь же мы ихъ познаемъ одну за другою и воспроизводимъ изъ химическихъ элементовъ безъ помощи органическаго процесса..." („Neue Zeit" 1892—3, I Band, № 1, стр. 18—19).

Какъ видимъ, Энгельсъ просто устраняетъ такую постановку вопроса, изъ какой исходитъ Плехановъ. Я не считаю точку зрѣнія Энгельса вполнѣ достаточной; но для меня, какъ, я полагаю, и для всякаго, ясно, что въ ней нѣтъ и тѣни той за-опытной путаницы, которая характеризуетъ школу Бельтова *).

*) Плехановъ былъ однимъ изъ первыхъ популяризаторовъ идей марксизма въ Россіи, мы всѣ долго учились по его произведеніямъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы долгое время искренно считали его дѣйствительнымъ представителемъ и философскихъ воззрѣній Маркса-Энгельса. Поэтому, года 4 тому назадъ, критикуя плехановскую „вещь въ себѣ", я отнесъ эту критику и къ Энгельсу, отъ имени котораго упорно говорилъ Плехановъ. Недавно Плехановъ

Историкъ будущаго съ недоумѣніемъ остановится передъ тѣмъ фактомъ, что въ XX вѣкѣ въ марксистской средѣ существовало, и выражало претензіи на идейное вліяніе въ ней, міровоззрѣніе столь дѣтски-наивное съ точки зрѣнія науки и философіи этого вѣка.

на публичномъ рефератѣ, въ отвѣтъ на мое указаніе о его расхожденіи по этому вопросу съ Энгельсомъ, попытался использовать противъ меня соотвѣтственное мѣсто изъ моей книги („Эмпиріомонизмъ", II ч., стр. 41). На этомъ я прервалъ его словами „Тогда я Вамъ повѣрилъ, а потомъ провѣрилъ!" Теперь Плехановъ въ своемъ фельетонѣ—отвѣтѣ на мое открытое письмо—передаетъ эти слова, приводя ихъ въ кавычкахъ, слѣдующимъ образомъ: „Я такъ думалъ прежде, а теперь вижу, что ошибался".—Для меня совершенно непостижимо то... хладнокровіе, съ которымъ Плехановъ цитируетъ въ радикально передѣланномъ видѣ мои слова, сказанныя очень громко и очень ясно и при тысячѣ свидѣтелей. Въ передѣлкѣ устранено главное серьезное обвиненіе, открыто брошенное мною Плеханову.

Приключеніе II: объективная истина.

По другому основному вопросу міровоззрѣнія — по вопросу объ истинѣ—взгляды школы расходятся еще больше, чѣмъ по первому. Одну позицію занимаетъ ученикъ—Ортодоксъ, другую учитель—Бельтовъ.

„Современная наука,—говоритъ Ортодоксъ,—разсматриваетъ всѣ міровыя явленія, какъ процессы развитія и закономѣрнаго измѣненія. Соотвѣтственно такому взгляду наука не признаетъ вѣчныхъ истинъ. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ отрицаніе объективныхъ законовъ. Всѣ добытые наукой результаты должны быть признаны объективными законами, поскольку они выведены на основаніи объективныхъ данныхъ, т. е. явленій вселенной. И до тѣхъ поръ, пока въ суммѣ явленій, составляющихъ базисъ даннаго закона, не встрѣчаются противорѣчія, нарушающія законъ, онъ для насъ имѣетъ объективную цѣнность. Теорія эволюціи говоритъ, что все подвержено измѣненію, и потому мѣняются и самыя объективныя истины. Эволюція въ познаніи, слѣдовательно, не только не исключаетъ объективизма, а, наоборотъ, обусловливается имъ“ („Философскіе очерки,“ стр 117—118).

По существу — совершенно вѣрно, хотя противъ формы можно было бы сказать кое-что. Ясно, что вѣчныхъ истинъ не бываетъ, и ни о какой данной истинѣ нельзя утверждать, что она не будетъ отмѣнена иной, высшей истиной; наоборотъ, можно съ увѣренностью предвидѣть именно

такую отмѣну въ ходѣ міровой эволюціи. „Явленія вселенной“, на основаніи которыхъ выведены научные законы, признаются объективными данными, и на этомъ основаніи самые законы характеризуются, какъ объективные. Все это такъ, но—у Бельтова это совсѣмъ иначе.

Обсуждая вопросъ, какимъ способомъ, въ діалектическихъ противорѣчіяхъ, вырабатывается истина, онъ говоритъ:

„Противорѣчіе съ меркантилистами привело Юма къ ошибочному взгляду на деньги. Но движеніе общественной жизни, а слѣдовательно и человѣческой мысли, не остановилось на точкѣ, которой оно достигло во времена Юма. Оно поставило насъ въ „противорѣчіе“ съ Юмомъ, и это противорѣчіе дало въ результатѣ правильный взглядъ на деньги. И этотъ правильный взглядъ, результатъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣйствительности, есть уже объективная истина, которой не устранятъ никакія дальнѣйшія противорѣчія. Еще авторъ примѣчаній къ Миллю съ одушевленіемъ говорилъ:

То, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ.

Въ примѣненіи къ знанію это безусловно вѣрно. Никакой рокъ не въ силахъ теперь отнять у насъ ни открытій Коперника, ни открытія превращенія энергіи, ни открытія измѣняемости видовъ, ни геніальныхъ открытій Маркса“...

Бельтовъ предвидитъ неизбѣжное возраженіе:

„ — Но вѣдь не остановится же человѣческая мысль на томъ, что вы называете открытіемъ или открытіями Маркса? Конечно, нѣтъ, господа! Она будетъ дѣлать новыя открытія, которыя будутъ дополнять и подтверждать эту теорію Маркса, какъ новыя открытія въ астрономіи дополняли и подтверждали открытіе Коперника“ (стр. 176. Къ развитію монистич. взгляда на исторію).

Какъ видите, вполнѣ рѣшительно и опредѣленно: „объективная истина“ не измѣняется по существу и не отмѣняется

высшей истиной дальнѣйшаго развитія, а только дополняется и подтверждается.

И это говорится когда же? Въ эпоху великой и поистинѣ безпримѣрной революціи въ мірѣ научнаго познанія, когда колеблются и падаютъ научные законы, казавшіеся самыми незыблемыми и универсальными, уступая мѣсто поражающе-новымъ формамъ, открывая неожиданныя и неизмѣримыя перспективы.

Бельтовъ силою своего авторитета поручился намъ за нѣкоторый рядъ истинъ, что онѣ не будутъ отмѣнены. Я убѣжденъ, что по чистѣйшей случайности онъ въ числѣ этихъ истинъ не упомянулъ законъ вѣчности матеріи—великое открытіе Лавуазье, положившее начало точной химіи и проложившее дорогу принципу сохраненія энергіи. Когда писалась книга Бельтова, кто могъ бы предположить, что близится научный кризисъ, въ которомъ явно намѣчается о т м ѣ н а этого великаго закона силою иного, болѣе широкаго и точнаго? А сейчасъ—теорія электрической инерціи, „дополнительныхъ массъ", создаваемыхъ движеніемъ электрическаго заряда, въ зависимости отъ быстроты этого движенія, вся электронная теорія матеріи—развѣ это не „отмѣна" закона Лавуазье?

Не такъ давно въ области химіи существовалъ авторитетъ, несомнѣнно, не меньшій, а даже большій, чѣмъ Н. Бельтовъ въ своей области. Этотъ авторитетъ былъ—проф. Менделѣевъ, авторъ великаго открытія—періодической системы элементовъ. И этотъ авторитетъ считалъ неизмѣняемость химическихъ элементовъ окончательно установленной научной истиной. А что оказалось на-дѣлѣ? На нашихъ глазахъ возникаетъ экспериментально-обоснованная теорія превращенія элементовъ, руками Склодовской, Рёзерфорда, Рамсэя, Содди и другихъ заложены первые, но главные, камни этого зданія: превращеніе элементовъ доказано и частично уже прослѣжено...

Какіе еще нужны уроки для проповѣдниковъ истины, „которой не устранятъ никакія дальнѣйшія противорѣчія"?

И что скажетъ будущій историкъ философіи о такихъ философахъ среди марксистовъ XX вѣка?

Только однимъ можно объяснить сохраненіе до сихъ поръ столь давно пережитой наукою точки зрѣнія: глубокой оторванностью нѣкоторыхъ „философовъ“ отъ главнаго потока научно-техническаго развитія и научно-техническихъ революцій нашего времени. И дѣйствительно, читая произведенія философовъ „школы“, все время кажется, будто живешь въ мірѣ научныхъ понятій XVIII и первой половины XIX вѣка; особенно характерно въ этомъ отношеніи самое некритическое и свободное отъ всякаго изслѣдованія примѣненіе такихъ понятій, какъ „матерія“, „вещи“, „свойства“, „природа“, „силы“ и т. под.—то въ метафизическомъ, то въ неопредѣленно-физическомъ смыслѣ. Именно эти понятія глубоко преобразованы естествознаніемъ XIX и начала XX вѣка. Только въ неразрывной, живой связи съ развитіемъ науки въ цѣломъ, философія можетъ итти впередъ, а не безсильно топтаться на мѣстѣ, среди привычныхъ, но неопредѣленныхъ, понятій *).

*) Гдѣ нѣтъ дѣйствительной связи съ наукою, тамъ обыкновенно выступаетъ на сцену „аппаратъ учености“—цитаты, цитаты безъ конца Это одна изъ болѣзней разбираемой школы. Мысль читателя непрерывно дробится приводимыми всего чаще безъ надобности именами и текстами—очень часто иностранными, безъ перевода. Возьмите послѣднюю брошюру Плеханова: „Основные вопросы марксизма“: популярная по существу брошюра въ 4 обычныхъ печатныхъ листа; цитатъ — нѣсколько сотенъ, и ни англійскія, ни нѣмецкія, ни даже древне-французскія въ большинствѣ не переведены: такъ легче запугать читателя, чтобы онъ чувствовалъ глубину учености автора. Двѣ трети цитатъ излишни. Приведу одинъ, по-истинѣ классическій, образецъ: „ . . . еще Гегель говорилъ, что моря и рѣки сближаютъ людей, между тѣмъ какъ горы ихъ раздѣляютъ. Впрочемъ, моря сближаютъ людей только на сравнительно болѣе высокихъ стадіяхъ развитія производительныхъ силъ; на болѣе же низкихъ море, по справедливому замѣчанію Ратцеля, очень сильно затрудняетъ сношенія между раздѣленными имъ племенами“ (стр. 39—40). Чтобы высказать банальнѣйшую истину, вошедшую уже давно въ самые элементарные учебники политической экономіи и

И эта отжившая философія „истинъ навѣки“ способна вносить глубокую смуту въ неопытные юные умы. Одинъ молодой товарищъ, энергичный и пылкій, съ горечью говорилъ мнѣ: „Не знаете вы, что дѣлаете. Отвергая безусловность истины, проповѣдуя, что наша истина есть только истина времени, вы подрываете энергію работниковъ. Изъ-за чего бороться, если завтра слова, написанныя на моемъ знамени, можетъ быть, станутъ заблужденіемъ?“

Что отвѣтить на это? Разумѣется, все возможно понять неправильно, и всѣмъ можно злоупотребить. Боевая идея относительности истины, зовущая человѣчество впередъ, безъ конца и безъ остановки, можетъ для нѣкоторыхъ стать орудіемъ оправданія ихъ безхарактерности, равнодушія и безсилія. Но тотъ, кто пойметъ эту идею, пойметъ и то, что борясь за истину своего времени, онъ борется за всѣ будущія истины, которыя изъ нея родятся, чтобы прійти ей на смѣну.

Какъ человѣческія существа, истины живутъ, борются, умираютъ. Но если человѣкъ умеръ, значитъ ли это, что онъ жилъ даромъ? И если умерла истина, значитъ ли, что она жила даромъ? Да, люди часто живутъ свой вѣкъ безплодно, или даже во вредъ обществу; но истины — никогда. Откупщикъ Лавуазье былъ вреденъ обществу и былъ казненъ; но дѣло великаго химика Лавуазье—его истина—осталась. Скоро умретъ и она; но безъ нея никогда не родилась бы та новая, еще болѣе великая, истина, которая ее замѣнитъ.

Развѣ можно жалѣть объ этомъ?

исторіи культуры, понадобилось потревожить прахъ Гегеля и сослаться на географа Ратцеля.—Если Марксъ много цитировалъ въ „Капиталѣ“, то не для доказательства, что дважды два—четыре.

Приключеніе III: развитіе идеологій.

Какимъ образомъ возникаетъ та,—навѣки объективная,—истина, которую признаетъ и проповѣдуетъ Н. Бельтовъ? На это отвѣчаетъ созданная имъ теорія идеологическаго развитія.

По этой теоріи, основной, формулированный Марксомъ, законъ—развитіе идеологій опредѣляется развитіемъ производственныхъ отношеній, — дополняется другимъ, спеціальнымъ закономъ: развитіе идеологій совершается путемъ идеологическихъ крайностей.

„Возьмите, — говоритъ онъ, — любой вопросъ, напр., вопросъ о деньгахъ. Для меркантилистовъ деньги были богатствомъ par excellence: они приписывали деньгамъ преувеличенное, почти исключительное, значеніе. Люди, возставшіе противъ меркантилистовъ, вступивъ въ „противорѣчіе“ съ ними, не только исправили ихъ исключительность, но и сами, по крайней мѣрѣ наиболѣе рьяные изъ нихъ, впали въ исключительность, и именно въ прямо-противоположную крайность: деньги — это просто условные знаки, сами по себѣ они не имѣютъ ровно никакой стоимости. Такъ смотрѣлъ на деньги, напр., Юмъ“.... И затѣмъ, указывая, что дѣйствительность, якобы, не давала объективныхъ основаній для такого взгляда—деньги своей стоимости фактически не теряли, — Бельтовъ дѣлаетъ выводъ: „Откуда же произошла исключительность взгляда Юма? Она произошла изъ факта борьбы, изъ „противорѣчія“ съ меркантилистами. Онъ хотѣлъ „сдѣлать обратное“ мерканти-

листамъ.... Поэтому можно сказать...., что юмовскій взглядъ на деньги цѣликомъ заключается во взглядѣ меркантилистовъ, будучи его противоположностью". („Къ разв. монист. взгл.", стр. 167—8, passim).

По такимъ же точно причинамъ, какъ полагаетъ Бельтовъ, англійскіе аристократы XVII вѣка, полемически настроенные противъ религіозныхъ пуританъ, увлекаются матеріализмомъ, а французскіе утописты XIX вѣка, стремясь „сдѣлать обратное" матеріалистамъ просвѣтителямъ, впали въ религіозность.

Бельтовъ чувствуетъ, что эта теорія не согласуется съ чистымъ историческимъ матеріализмомъ, — что новый вводимый ею законъ въ каждомъ частномъ случаѣ можетъ оказаться въ противорѣчіи съ основнымъ марксовскимъ закономъ, и слѣдовательно — ограничить его дѣйствіе. Бельтовъ не хочетъ быть еретикомъ, и старается устранить возможность такого конфликта двухъ законовъ разными благоразумными оговорками. Онъ указываетъ, что стремленіе идеологовъ „противорѣчить" главнымъ образомъ и сильнѣе всего направляется на тѣ стороны предыдущихъ идеологій, которыя „служатъ выраженіемъ самыхъ вредныхъ въ данное время сторонъ отживающаго строя", онъ увѣряетъ, что „ни одинъ классъ не станетъ увлекаться такими идеями, которыя противорѣчатъ его стремленіямъ" (стр. 172 — 3). Но всѣ эти оговорки ни къ чему не ведутъ: онѣ немедленно опровергаются тѣми самыми фактическими примѣрами, которыми иллюстрируется теорія. Если утописты расходились съ просвѣтителями, какъ говоритъ Бельтовъ, „собственно по вопросу общественной организаціи", то стоило ли имъ впадать въ религіозность ради сомнительнаго удовольствія „сдѣлать обратное" просвѣтителямъ, тогда какъ въ дѣйствительности это ослабляло революціонную силу ихъ доктринъ? И еще больше — развѣ не явно во вредъ своимъ классовымъ стремленіямъ „увлеклись" англійскіе аристократы матеріализмомъ, — этимъ глубоко-просвѣтительнымъ въ тѣ времена ученіемъ, — столь невыгоднымъ для класса,

опирающагося въ своемъ господствѣ на грубое насиліе и на невѣжество народныхъ массъ? Нѣтъ, два закона все-таки столкнулись, и бельтовскій законъ проглотилъ марксовскій, а заодно и всѣ благоразумныя оговорки, которыя оказываются только словесными, не болѣе.

(Я спеціально здѣсь остановился на этихъ оговоркахъ, потому что упустилъ сдѣлать это въ предыдущей моей статьѣ, гдѣ также разбиралась данная теорія—„Эмпиріомонизмъ“ III ч., стр. XXV — XXX. Читатель видитъ, что по существу дѣла тутъ ничего не мѣняется).

Итакъ, теорія Бельтова оказывается ограничительной поправкой къ историческому матеріализму, поправкой въ духѣ самостоятельности идеологическаго развитія, т. е. въ духѣ соціальнаго идеализма. А можетъ быть, она все-таки вѣрна и полезна?

Прежде всего бросается въ глаза крайнее несоотвѣтствіе между задачей теоріи, съ одной стороны, ея основою — съ другой. Требуется—найти законъ идеологическаго развитія. За основу берется — полемическое увлеченіе. Такая теорія можетъ, пожалуй, годиться на то, чтобы объяснить отдѣльные промахи того или другого писателя, но отнюдь не на то, чтобы объяснить развитіе идеологіи общественныхъ группъ и классовъ,—вплоть до объективной истины остающейся навѣки.

Но можетъ быть, эта теорія необходима для объясненія фактовъ? Иллюстраціи, приведенныя Бельтовымъ, не только не доказываютъ этого,—но опровергаютъ.

Односторонность Юма нѣтъ никакой надобности объяснять его стремленіемъ „противорѣчить“ меркантилистамъ, когда въ экономическихъ отношеніяхъ его эпохи имѣлись достаточныя основы для этой односторонности. XVIII вѣкъ былъ временемъ быстраго развитія системы кредита и возникновенія бумажнаго денежнаго обращенія. „Условные знаки“— акціи, ассигнаціи— не имѣя никакой „внутренней цѣнности“, практически оказывались равноцѣнны деньгамъ, особенно съ точки зрѣнія индивидуальнаго хозяй-

ства, на которой стояли, въ общемъ, буржуазные теоретики. Было естественно, при нѣкоторой односторонности мышленія, свойственной Юму, сдѣлать заключеніе, что настоящія деньги—тоже имѣютъ цѣнность только условныхъ знаковъ для обращенія. Но это вовсе не было о б щ и м ъ заблужденіемъ буржуазныхъ теоретиковъ того времени; и большинство ихъ, въ томъ числѣ крупнѣйшіе, какъ А. Смитъ, отнюдь не такъ, какъ Юмъ, смотрѣли на дѣло.

Матеріализмъ французскихъ просвѣтителей и религіозность послѣдующихъ утопистовъ объясняются также всего лучше не ихъ полемикой, а прямо ихъ классовой психологіей. Просвѣтители были идеологами растущей буржуазіи, носительницы промышленнаго прогресса, для которой была естественна матеріалистическая, т. е. въ тѣ времена единственно-научная идеологія. Наоборотъ, утописты были представителями мелко-буржуазнаго типа (пролетарское мышленіе было еще только въ зародышѣ), а гибнущая отъ промышленнаго прогресса мелкая буржуазія религіозна хотя бы потому, что ей нужно прибѣжище отъ жестокой дѣйствительности; да и вообще авторитарная психологія у нея сохраняется благодаря авторитарному строю отдѣльнаго мелко-буржуазнаго хозяйства, облекающагося въ форму „семьи“.

Наконецъ, англійскіе матеріалисты были таковыми отнюдь не со злости на пуританъ. Изъ англійской аристократіи увлекалась матеріализмомъ ея о б у р ж у а з и в ш а я часть, и это были б у р ж у а з н ы е идеологи, идеологи техническаго прогресса, которому и сами своими научными работами много содѣйствовали *). Носители же истинно-аристократическихъ

*) Это отнюдь не мое только мнѣніе, это также мнѣніе такого знатока англійской исторіи, какъ Энгельсъ. Вотъ что говоритъ онъ о тогдашней англійской „аристократіи“:

„.....Хотя тогда, какъ и теперь, они назывались аристократіей, но они уже давно стояли на пути къ тому, чтобы сдѣлаться—какъ во Франціи лишь спустя долгое время Луи-Филиппъ — первыми буржуа націи. Къ счастью для Англіи, старые феодальные бароны перебили

сословныхъ тенденцій были въ большинствѣ вѣрными католиками.

По недостатку мѣста, я принужденъ ограничиться такой бѣглой характеристикой этихъ примѣровъ. (Болѣе подробно они разобраны въ „Эмпиріомонизмѣ“, кн. III, стр. XXV — XXX). Во всякомъ случаѣ, и этого достаточно, чтобы видѣть, насколько спорны и шатки основанія для теоріи, нарушающей цѣльность историческаго монизма *).

другъ друга въ войнахъ Алой и Бѣлой Розы. Ихъ преемники, хотя и были, по большей части, потомками тѣхъ же древнихъ фамилій, происходили изъ такихъ отдаленныхъ боковыхъ линій, что составляли совершенно новую корпорацію; ихъ привычки и стремленія были гораздо болѣе буржуазны, чѣмъ феодальны, они хорошо знали цѣну деньгамъ, и быстро повысили свою земельную ренту, вытѣснивши сотни мелкихъ арендаторовъ, и замѣнивши ихъ овцами. Генрихъ VIII массами создавалъ новыхъ буржуа-лэндлордовъ, раздаривая и продавая за безцѣнокъ церковныя имущества; въ томъ же направленіи дѣйствовали непрерывно продолжавшіяся до конца XVII вѣка конфискаціи большихъ имѣній, которыя затѣмъ передавались разнымъ выскочкамъ. Поэтому-то англійская „аристократія“ со времени Генриха VII не только не противодѣйствовала промышленному развитію, но, наоборотъ, старалась извлечь изъ него пользу“. (Выше цитиров. англійское предисловіе, Neue Zeit 1892—3 I B. № 2).

*) Справедливость требуетъ признать, что нѣкоторыя, мимоходомъ брошенныя, замѣчанія Энгельса могли помочь развитію ошибочной теоріи Бельтова. Въ томъ же англійскомъ предисловіи къ брошюрѣ о „Научномъ соціализмѣ“ онъ писалъ: „....Съ Гоббсомъ матеріализмъ выступилъ на сцену какъ защитникъ королевскаго всемогущества, и призывалъ абсолютную монархію къ укрощенію народа — этого puer robustus sed malitiosus (ребенокъ здоровый и сильный, но безпокойный). И при преемникахъ Гоббса—Болингброкѣ, Шэфтсбюри и др. деистическая форма матеріализма оставалась ученіемъ аристократическимъ, предназначеннымъ для избранныхъ, и потому буржуазія ненавидѣла его не только за религіозную ересь, въ немъ заключавшуюся, но и за его связь съ политическими анти-буржуазными тенденціями“ (Neue Zeit. 1892—3 I B. № 2, стр. 45). Аристократія, о которой здѣсь говорится, это, какъ мы видѣли, въ сущности—высшая буржуазія, капиталистическіе землевладѣльцы; она противополагается большинству буржуазіи.— Во всякомъ случаѣ, подобныя приведенному нами соображенія самъ Энгельсъ разсматривалъ, какъ частныя и менѣе важныя; онъ и не думалъ создавать изъ нихъ теорію идеологическаго развитія.

Идея внутренней самостоятельности идеологическаго развитія, вообще, нерѣдко выступаетъ у Бельтова и его школы. Когда я прочиталъ у него въ первый разъ, что „психологія“ прогрессивныхъ классовъ „видоизмѣняется въ направленіи тѣхъ отношеній производства, которыми замѣнятся современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія“, и что въ частности „психологія пролетаріата приспособляется уже къ новымъ, будущимъ отношеніямъ производства (стр. 152), — я предположилъ тогда, что это просто — неудачный выборъ выраженій. Я думалъ, что не можетъ же марксистъ и матеріалистъ серьезно говорить о приспособленіи къ тому, чего еще нѣтъ; это было бы чисто-идеалистическое понятіе о развитіи. Я истолковывалъ это (въ одной рецензіи) такимъ образомъ: Идеологія пролетаріата (Бельтовъ слово „психологія“ употребляетъ какъ синонимъ „идеологіи“, что, конечно, тоже неправильно) приспособляется къ собственно-пролетарскимъ отношеніямъ производства — товарищеское сотрудничество, — которыя теперь господствуютъ, однако, лишь въ трудовой жизни пролетаріата, а не въ обществѣ какъ цѣломъ. Но они будутъ господствовать во всемъ обществѣ, когда пролетаріатъ преобразуетъ его; и только въ этомъ смыслѣ они — неудачно, разумѣется, — названы „будущими“.

Но есть основанія думать, что я ошибался въ своемъ оптимистическомъ истолкованіи. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые „ученики“ школы опредѣленно предъявляютъ требованіе, чтобы идеологія приспособлялась къ будущимъ отношеніямъ.

Заканчивая свою работу объ эмпиріомонизмѣ, я разсмотрѣлъ ея идеи съ точки зрѣнія классовыхъ типовъ мышленія, и пришелъ къ выводу, что онѣ, по существу, соотвѣтствуютъ идеологіи пролетаріата. Въ то же время я показалъ, что изображенная мною картина міра сама въ своемъ строеніи отражаетъ совокупность соціальныхъ отношеній современнаго общества, тѣхъ отношеній, среди кото-

рыхъ живетъ современный пролетаріатъ. Изъ этого я дѣлалъ два вывода. Первый выводъ касается исторической истинности міровоззрѣнія: я считаю, что истиной своего времени можетъ быть именно только такое міровоззрѣніе, которое отражаетъ общественный строй этого времени въ его цѣломъ (конечно, съ точки зрѣнія прогрессивныхъ силъ этого строя). Второй выводъ былъ тотъ, что „въ этой картинѣ, если считать ее вѣрной для современнаго познанія, едва ли можно ожидать коренныхъ измѣненій раньше коренного переустройства соціальной жизни; ибо данное строеніе общества должно создавать тенденцію къ сохраненію этой основной познавательной схемы“ (стр. 158, „Эмпиріомонизмъ“, кн. III).

На это А. Деборинъ заявляетъ:

„Но вѣдь и наоборотъ, данная познавательная схема должна создавать тенденцію къ сохраненію или оправданію даннаго строя общества. А потому, г. Богдановъ, для всякаго, кто стремится къ коренному переустройству общества, обязательна борьба съ вашей познавательной схемой“ („Соврем. Жизнь“, 1907, I, стр. 260).

Примѣнимъ логику А. Деборина къ теоріи прибавочной стоимости Маркса. Эта познавательная схема, несомнѣнно, точно отражаетъ опредѣленныя отношенія современнаго общества, и потому, на мой взглядъ, должна сохранить свою силу, пока не будутъ кореннымъ образомъ преобразованы эти отношенія, т. е. не будетъ устранена эксплоатація; ибо эти отношенія будутъ создавать тенденцію къ ея сохраненію. Но съ точки зрѣнія А. Деборина, въ такомъ случаѣ и сама эта схема „должна создавать тенденцію къ сохраненію или оправданію“ данныхъ отношеній,— т. е. эксплоатаціи; а потому „обязательна борьба“ съ нею. Выводъ совершенно неизбѣжный!

Разбирать ли этотъ взглядъ по существу? Повторять ли для этого всѣ возраженія научнаго соціализма противъ утопическаго? Доказывать ли, что идеологія борющагося пролетаріата есть порожденіе той дѣйствительности, среди которой

онъ живетъ,—и отраженіе съ пролетарской точки зрѣнія именно этой дѣйствительности, а не иной, которой еще нѣтъ? Я не думаю, чтобы это было необходимо—для марксистовъ.

Но если, такимъ образомъ, школа Бельтова позволяетъ себѣ немалыя вольности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о точномъ примѣненіи историческаго матеріализма, зато она проявляетъ величайшую строгость тогда, когда вопросъ поднимается объ усиленіи и распространеніи принциповъ этого ученія. Тутъ ужъ нѣтъ—никакой крайности не допускается.

Въ основной формулировкѣ Маркса говорится о томъ, что общественное бытіе людей опредѣляетъ ихъ мышленіе, что производственныя отношенія опредѣляютъ идеологію. Естественно возникаетъ мысль, что, можетъ быть, это отношеніе, выраженное общимъ терминомъ „опредѣляетъ“, въ дѣйствительности является болѣе тѣснымъ и глубокимъ, что идеологія „опредѣляется“ производствомъ уже и въ самомъ своемъ возникновеніи, т. е. что она произошла изъ производственнаго процесса. Если это въ дѣйствительности такъ, то очевидно, что марксовская идея этимъ не ослабляется, а, наоборотъ, усиливается и укрѣпляется.

Самъ Марксъ, повидимому, не останавливался на этомъ вопросѣ. Почему? Я думаю, потому, что въ его время было еще слишкомъ мало научнаго матеріала для рѣшенія задачи. Но съ тѣхъ поръ матеріалъ накопился.

Психофизіологическій анализъ труда съ одной стороны, познанія—съ другой, показалъ, что идеологическая элементарная единица—понятіе—слагается изъ тѣхъ же самыхъ, по существу, составныхъ частей, физіологическихъ и психическихъ, изъ какихъ и элементарный трудовой актъ. Болѣе того—филологи создали и обосновали теорію, по которой у первобытнаго человѣчества идеологическіе элементы—слова-понятія—прямо возникли изъ соціально-трудовыхъ актовъ, какъ ихъ психо-физіологическое сокра-

щеніе; и эта „теорія первичныхъ корней“ принимается въ высшей степени авторитетными учеными и мыслителями.

Такимъ образомъ, современная наука даетъ всѣ основанія, чтобы принять первоначальное происхожденіе идеологіи изъ производственнаго процесса, что, очевидно, позволяетъ глубже изслѣдовать и строеніе идеологій, и ихъ развитіе.

Нѣмецкій философъ марксистъ Дицгенъ склонялся къ мысли о такомъ происхожденіи идеологіи, не входя, впрочемъ, въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса. Плехановъ не могъ, конечно, оставить безъ вниманія этой ереси, и дѣлаетъ самый энергичный выговоръ Дицгену за то, что онъ позволяетъ себѣ такія выраженія, какъ „общественное бытіе производитъ мышленіе“ (идеологію), и т. под. Это, по мнѣнію Плеханова, путаница, идеализмъ, „махизмъ“, и даже—что хуже всего—„сходство съ г. Богдановымъ“. („Совр. Міръ“, 1907 г. VIII). Сходство тутъ, дѣйствительно, есть, такъ какъ я въ своихъ статьяхъ систематически развивалъ мысль о происхожденіи идеологіи изъ технически трудового процесса. Но я склоненъ думать, что безъ опроверженія по существу,—которымъ Плехановъ не занимается, — такое сходство еще недостаточный аргументъ, чтобы отвергнуть научную идею.

Такимъ образомъ и въ соціальной философіи школа Бельтова,—словесно заявляя на каждомъ шагу о своей ортодоксальности, на дѣлѣ стремится умѣрить и ослабить основную марксистскую тенденцію.

Приключеніе IV: сраженіе съ эмпиріокритиками.

Разсмотрѣвши внутреннее состояніе школы, я перехожу теперь къ разсмотрѣнію ея нынѣшней внѣшней политики. Главное содержаніе этой политики составляетъ борьба съ „махизмомъ", эмпиріокритицизмомъ, эмпиріомонизмомъ.

Махизмомъ и эмпиріокритицизмомъ школа занялась вплотную. Это—наиболѣе развитыя формы современнаго позитивизма, очень вліятельное теченіе; оно нуждается въ серьезной критикѣ, чтобы пролетарская идеологія могла взять изъ него то, что въ немъ дѣйствительно цѣнно,—если, конечно, вообще что-нибудь цѣнное въ немъ имѣется. Какъ же велась критика, и къ чему она привела?

Основу всей критики составляетъ опредѣленное пониманіе о п ы т а.

Что такое опытъ? Вся бельтовская школа единодушно и многократно заявляетъ, что опытъ—это только с у б ъ е к т и в н ы я, и н д и в и д у а л ь н ы я ощущенія и представленія, совокупность п с и х и ч е с к и х ъ переживаній.

„Опытъ состоитъ изъ суммы нашихъ ощущеній", —говоритъ Ортодоксъ („Философск. очерки", стр. 173). „Мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло только со своими собственными ощущеніями и съ образами предметовъ, вырастающими на ихъ основѣ", — подтверждаетъ Плехановъ (Примѣч. къ „Л. Фейербаху", стр. 97). „Опытъ—это наши с у б ъ е к т и в н ы я переживанія",—заявляетъ Н. Рахметовъ, и потомъ поясняетъ: „Объективнаго опыта нѣтъ,—уже по тому самому, что опытъ, какъ актъ субъекта познанія, неразрывно

связанъ съ нимъ, съ этимъ субъектомъ („Къ философ. марксизма", стр. 30, 54).

Итакъ, совершенно ясно: опытъ, это „мои" переживанія, „мои" ощущенія, представленія, и т. д. „Мои", это у всей школы самый любимый эпитетъ въ примѣненіи ко всякимъ содержаніямъ опыта, эпитетъ, на которомъ, какъ увидимъ, построенъ весь планъ кампаніи противъ „махизма".

Такое пониманіе опыта очень распространено въ философіи. Оно свойственно, напр., кантіанству и всѣмъ индивидуалистическимъ школамъ. Но является ли оно единственнымъ возможнымъ? или единственнымъ, существующимъ въ наше время?

Нѣтъ, оно не только не есть единственное, но—въ настоящее время—даже не господствующее.

Болѣе того—въ самой „школѣ" оно при случаѣ смѣняется другимъ, болѣе разумнымъ. Оно и понятно: нельзя безъ постояннаго насилія надъ собой думать, что весь міръ явленій въ его огромномъ богатствѣ, весь матерьялъ, съ которымъ непосредственно имѣетъ дѣло познаніе—все это только „мои", субъективныя впечатлѣнія и представленія. Поэтому, напр., Ортодоксъ,—какъ только дѣло коснулось настоящаго, научнаго, а не „гносеологическаго" познанія,—сразу начинаетъ говорить совсѣмъ иное:

„Всѣ добытые наукой результаты должны быть признаны объективными законами, поскольку они выведены на основаніи объективныхъ данныхъ, т. е. явленій вселенной" (Фил. Оч., стр. 118).

„Явленія вселенной", т. е., во всякомъ случаѣ, данныя опыта—оказались объективными данными. Гдѣ же всѣ предыдущія утвержденія—что объективнаго опыта нѣтъ, а есть только субъективный?

Я сказалъ, что субъективно-индивидуалистическое пониманіе опыта теперь уже нельзя назвать господствующимъ, какимъ оно было въ школѣ Канта и ей родственныхъ. Оно

было подорвано — школой Маха и эмпиріокритиковъ.

Первое и основное, что характеризуетъ собою анализъ опыта, выполненный Махомъ,—это разрушительная критика той индивидуалистической идеи, будто опытъ принадлежитъ какому-то „субъекту“ или „я“. На живыхъ фактахъ опыта Махъ блестяще показалъ, что это „я“ не можетъ считаться ни предпосылкой опыта, ни даже его постоянной составной частью. Выводы этой критики „я“ таковы.—Первичныя данныя опыта, это „элементы“—цвѣта, тоны, пространственные элементы, элементы твердости, тепла, холода и т. д. Міръ опыта сводится къ безконечно развертывающейся массѣ такихъ элементовъ. Въ этомъ мірѣ элементы группируются въ „комплексы“, сочетанія болѣе устойчивыя или менѣе устойчивыя. Къ болѣе устойчивымъ сочетаніямъ относятся, во-первыхъ, комплексы „тѣла“, во-вторыхъ, комплексы, называемые „я“. И тѣ, и другіе обладаютъ, однако, лишь относительною устойчивостью. И тѣ, и другіе выдѣляются въ опытѣ лишь постепенно,—комплексы „тѣла“ даже раньше, чѣмъ комплексы „я“,—и ихъ выдѣленіе среди міра опыта обусловливается практической потребностью—потребностью оріентировки. Слѣдовательно, „я“ никоимъ образомъ не можетъ считаться „собственникомъ“ опыта. Это просто опредѣленный „комплексъ воспоминаній, настроеній, чувствъ“, связанный спеціально съ однимъ изъ физическихъ комплексовъ—„живымъ тѣломъ“. Каждое „я“ въ извѣстное время возникаетъ,—и притомъ позже, чѣмъ „живое тѣло“, съ которымъ оно связано,—въ извѣстное время уничтожается, и постоянно, хотя непрерывно, измѣняется. Все это не мѣшаетъ міровому потоку опыта итти своимъ путемъ. Часто „я“ совсѣмъ исчезаетъ,—и это бываетъ, между прочимъ, тогда, когда человѣкъ, которому оно „принадлежитъ“, живетъ всего полнѣе и напряженнѣе, напр. въ экстазѣ творчества.

Ту же анти-индивидуалистическую точку зрѣнія по отношенію къ опыту проводитъ и Авенаріусъ. Исходной точкой

его философіи является та первая оріентировка въ мірѣ опыта, о которой говоритъ Махъ. Его первая „эмпиріокритическая аксіома“ такова. Раньше всякаго философствованія, каждый человѣкъ находитъ себя въ опредѣленной средѣ, съ разнообразными частями, и въ томъ числѣ съ другими человѣческими особями, „высказыванія“ которыхъ онъ опредѣленнымъ образомъ понимаетъ, именно такъ, что эти высказыванія относятся къ той средѣ, въ которой онъ нашелъ свое тѣло и тѣла другихъ людей. Понятно, что при такихъ условіяхъ было бы нелѣпо съ его стороны притязаніе присвоить своему „я“ тотъ міръ опыта, который ему доступенъ. Нелѣпо думать: вотъ, это прекрасное небо и солнце, и все, что мнѣ видно, слышно, извѣстно,—все это—„мой“ опытъ, „мои“ субъективныя впечатлѣнія и представленія. Нѣтъ, раньше чѣмъ начать подобное „философствованье“, онъ понималъ уже другихъ людей,—безъ чего не могъ бы и философствовать; и понимая ихъ, онъ знаетъ, что небо, и солнце, и остальная среда существуютъ точно также и для нихъ, для милліоновъ и милліардовъ живыхъ существъ, что на эти „переживанія“ никакой частной собственности не имѣется.

Кстати, замѣчу, что философскій терминъ „переживанія“, Erlebnisse, терминъ, путающій многихъ неопытныхъ людей, означаетъ только то, что данный комплексъ, напр., небо, море, вступаетъ въ жизненную связь съ тѣмъ или другимъ существомъ, что, конечно, не мѣшаетъ ему въ то же время вступить въ жизненную связь съ безчисленными другими существами, такъ что ни въ чью монополію отъ этого ни небо, ни море не попадаетъ.

Дальнѣйшій анализъ эмпиріокритиковъ заключается въ томъ, что они изслѣдуютъ связь элементовъ опыта и ихъ комплексовъ, и сводятъ ее къ двумъ основнымъ типамъ: къ „физическому“ и „психическому“. „Физическими“ комплексы элементовъ называются тогда, когда они разсматриваются внѣ ихъ спеціальной связи съ тѣмъ или другимъ живымъ индивидуумомъ (съ его нервной системой), значитъ

въ ихъ независимой отъ всякаго „субъекта“ связи, въ объективной связи, слѣдовало бы сказать. „Психическими“ они являются тогда, когда берутся въ связи съ тѣмъ или инымъ существомъ (съ его нервной системой). Напр., если море разсматривается и изслѣдуется въ отношеніи къ его берегамъ, атмосферѣ, дну и т. д., словомъ, какъ „тѣло“ среди другихъ „тѣлъ“—тогда это есть физическій комплексъ. Но если вы разсматриваете море съ точки зрѣнія своихъ впечатлѣній, если вы обращаете спеціальное вниманіе на то, что оно „появляется“ въ полѣ вашего зрѣнія, когда вы открываете глаза, и „исчезаетъ“ для васъ, когда вы ихъ закрываете, или что оно „кажется“ вамъ сначала такимъ-то, а потомъ такимъ-то,—тогда дѣло идетъ о „воспріятіи“ моря, комплексѣ „психическомъ“. Элементы опыта и здѣсь и тамъ одни и тѣ же—цвѣтовые, пространственные, тактильные и т. д.; но въ первомъ случаѣ это элементы „физическаго тѣла“—моря; во второмъ они уже элементы „психическаго комплекса“—воспріятія. Только въ этомъ второмъ случаѣ ихъ и можно назвать „ощущеніями“, т. е. психическими переживаніями.

И Махъ, и Авенаріусъ неоднократно обращаютъ вниманіе читателя на то, что не слѣдуетъ спутывать этихъ двухъ типовъ связи опыта, и что неправильно элементы опыта признавать вообще „ощущеніями“ (какъ это дѣлаетъ, напр., Юмъ, и какъ дѣлалъ самъ Махъ, пока не освободился отъ остатковъ субъективно-индивидуалистической точки зрѣнія). „Ощущеніями“ элементы бываютъ только въ психическомъ опытѣ, только въ субъективной связи.

Итакъ, основу міровоззрѣнія Маха и Авенаріуса составляетъ такое пониманіе опыта, которое міръ опыта представляетъ какъ безконечную сѣть элементовъ, не являющихся сами по себѣ ни физическими, ни психическими, но выступающихъ и въ физическихъ, и въ психическихъ группировкахъ. Элементы и комплексы этой сѣти тѣснѣе связаны между собою во многихъ пунктахъ, называемыхъ „я“: но такіе пункты не представляютъ изъ себя чего-либо по-

стояннаго: они непрерывно возникаютъ, исчезаютъ и измѣняются; они являются всецѣло производными—практическими группировками, и, конечно, никакъ не могутъ считаться ни предпосылкою міра элементовъ, ни его собственниками. Какъ видимъ, это пониманіе опыта есть вполнѣ опредѣленно анти-индивидуалистическое и анти-субъективистическое; оно тщательно и серьезно обосновано Махомъ и Авенаріусомъ.

Положеніе совершенно ясное: всякая критика школы Маха и Авенаріуса должна имѣть дѣло прежде всего съ этой исходной точкой; она должна признать или отвергнуть или посредствомъ новаго анализа исправить это пониманіе опыта. Такъ ли поступаетъ философская школа Плеханова—Ортодокса?

Нѣтъ, она дѣлаетъ вмѣсто этого нѣчто невѣроятное и безпримѣрное: она просто приписываетъ противникамъ свое собственное пониманіе опыта, безъ малѣйшаго анализа ихъ взгляда на опытъ, даже безъ предварительнаго указанія на дѣйствительное содержаніе этого взгляда.

„Если, — говоритъ Плехановъ, — тѣла или вещи представляютъ собою только мысленные символы нашихъ ощущеній (точнѣе группъ, комплексовъ ощущенія), и если они не существуютъ внѣ нашего сознанія, — а именно такова мысль Маха,—то отъ субъективнаго идеализма и отъ солипсизма можно отдѣлываться лишь посредствомъ вопіющей непослѣдовательности“. (Предисловіе къ „Л. Фейербаху“ стр. X). Курсивы въ этой цитатѣ вездѣ мои. Ими отмѣчено все то, что принадлежитъ въ этомъ изложеніи взглядовъ Маха не Маху, а только Плеханову.

Еще лучше у Ортодокса:

„ .....Станемъ на минуту на точку зрѣнія „махизма“, Матерія, матеріальное тѣло есть совокупность субъективныхъ ощущеній. Познающій субъектъ придаетъ этимъ ощущеніямъ такія формы, благодаря

которымъ они слагаются въ общее понятіе, и разсматриваются субъектомъ, какъ внѣшній предметъ. Мыслимое бытіе объекта обусловливается, такимъ образомъ, тѣмъ, что субъектъ объективируетъ свои ощущенія. Спрашивается, что же такое самъ всемогущій субъектъ? Очевидно, что тоже совокупность ощущеній. Чьихъ? Кто придаетъ субъекту, этой совокупности ощущеній, объективную форму, другими сповами, кто мыслитъ его бытіе? На этотъ вопросъ, логически вытекающій изъ „махизма", нѣтъ и не можетъ быть отвѣта".... (Филос. очерки, стр. 84. Курсивы мои, и также означаютъ то, что составляетъ собственность не Маха, а Ортодокса).

Тутъ я на минуту прерву цитаты изъ „критиковъ", чтобы привести нѣсколько подлинныхъ цитатъ изъ Маха, котораго они столь безпощадно.... излагаютъ...

„Первичны не „я", а элементы (ощущенія)", говоритъ Махъ. Этотъ двойной терминъ: „элементы (ощущенія)" у него передъ этимъ разъ навсегда поясненъ: „нужно всегда имѣть въ виду, что элементы являются ощущеніями только въ этой (психической. А. Б.) связи, только въ этихъ соотношеніяхъ, только въ этой функціональной зависимости" (отъ нервной систе́мы. А. Б.). И дальше, по поводу „я", Махъ продолжаетъ:

„Если мы, не удовлетворяясь знаніемъ связи элементовъ (ощущеній), спрашиваемъ: кто же имѣетъ эту связь ощущеній, кто ощущаетъ?—то это значитъ, что мы поддаемся старой привычкѣ — всякій элементъ (всякое ощущеніе) относить къ комплексу не анализированному, что мы незамѣтно для самихъ себя опустились до старой точки зрѣнія, болѣе ограниченной и узкой". И дальше Махъ, съ выраженіемъ согласія, цитируетъ слова Лихтенберга: „Надо было бы говорить—„думается", какъ говорятъ: „гремитъ"; сказать „cogito" уже слишкомъ много, разъ это переводятъ черезъ „я мыслю". Принимать существованіе

„я“, постулировать его есть практическая потребность“ („Analyse der Empfind“, 5-ое изд., стр. 19—23 passim).

И наконецъ, какъ-будто предвидя своихъ русскихъ „критиковъ“, Махъ съ грустью говоритъ:

„Но требованіе представлять себя наблюдателемъ, стоящимъ не на землѣ, а на солнцѣ (въ чемъ заключалась точка зрѣнія Коперника. А. Б.) есть сущая бездѣлица сравнительно съ требованіемъ свое „я“ не принимать въ расчетъ, сводя его на преходящую связь неустойчивыхъ элементовъ“ (стр. 290).

Продолжаю теперь цитаты изъ „критиковъ“, чтобы показать, что я никого изъ нихъ не оклеветалъ. „Излагаетъ“ А. Деборинъ:

„ ..... за устраненіемъ матеріальнаго міра остаются одни лишь представленія, носителемъ которыхъ является сознаніе, духъ, субъектъ. Это даетъ Маху право сказать, что міръ есть совокупность моихъ представленій и существуетъ въ моей головѣ... .... мыслить „среду“ или объективный міръ внѣ отношенія къ „я“ невозможно, настаиваютъ (!) махисты (!!), слѣдовательно міръ есть переживаніе субъекта и только переживаніе субъекта, чѣмъ и утверждается „субъективность“ среды, міра...“ (фельетонъ о Махѣ, Г. С. Д. 1908, 4—5).

Я уже не подчеркиваю того, что критикъ „отъ себя“ приписалъ Маху. Курсивъ былъ бы, очевидно, сплошной.

Н. Рах-ова мнѣ уже и не хочется цитировать.... Ну, одну цитату:

„*Устраняя* изъ поля своего теоретическаго зрѣнія *внѣшній міръ*, Махъ, вмѣстѣ, напр., съ *Фихте*, дѣлаетъ переживанія *субъекта* единственной *основой*, единственнымъ *критеріемъ* міра“ (стр, 81. Курсивы принадлежатъ самому автору, но значеніе ихъ совершенно то же, какъ въ моихъ курсивахъ предыдущихъ цитатъ).

Остается упомянуть про Іоффе, выступившаго съ критикой Маха въ № 33 „Neue Zeit“ 1908 г. Этотъ дѣйствуетъ еще проще: критикуетъ Юма, какъ философа-индивидуа-

листа, и не излагая Маха, отожествляетъ его съ Юмомъ.— Впрочемъ, къ этому пріему прибѣгаютъ и всѣ остальные ученики „школы". Махъ самъ охотно признаетъ свое родство съ Юмомъ, но анти-индивидуалистическое пониманіе опыта есть именно самое существенное у Маха, и критиковать съ этой стороны Маха въ лицѣ Юма все равно, что критиковать Маркса въ лицѣ Рикардо или Гегеля, его предшественниковъ въ такомъ же смыслѣ, какъ Юмъ—предшественникъ Маха.

Иногда ученики школы не только „излагаютъ", но и „цитируютъ" Маха. Напр., Ортодоксъ приводитъ такую цитату: „Вещь, тѣло, матерія есть ничто внѣ нашихъ ощущеній, цвѣта, звука и т. д.,—внѣ такъ наз. признаковъ". (Ортодоксъ, Фил. оч., стр. 173. Второй курсивъ мой). Въ подлинникѣ, конечно, стоятъ не „наши ощущенія", а „связь элементовъ" *).

Я думаю, достаточно... Основныя идеи Маха „для практической потребности" заново сочинены его критиками, а дальнѣйшее уже легко. Но... на долго ли хватитъ этихъ пріемовъ?

---

*) Возможно, что и въ первой приведенной мною цитатѣ о Махѣ изъ Плеханова слова — „тѣла или вещи только — мысленные символы нашихъ ощущеній"—представляютъ изъ себя лишь радикально извращенный переводъ одного мѣста изъ „Anal. der Empf" Маха. Это мѣсто въ цѣломъ таково:

„Не тѣла производятъ ощущенія, но комплексы элементовъ (ощущеній) образуютъ тѣла. Если физику тѣла кажутся чѣмъ-то постоянымъ, дѣйствительнымъ, а „элементы", напротивъ, неустойчивой, преходящей видимостью, то онъ просто не замѣчаетъ, что человѣческія понятія о тѣлахъ — только мысленные символы для комплексовъ элементовъ (ощущеній)" (стр. 23, изд. 1906 г.).

То, что мною переведено „человѣческія понятія о тѣлахъ", выражено у Маха словомъ „Körper", поставленнымъ въ кавычки, чтобы обозначить, что дѣло идетъ не о самыхъ тѣлахъ, т. е. физическихъ комплексахъ, а объ относящихся къ нимъ понятіяхъ или высказываньяхъ людей. Признаніе самыхъ тѣлъ за символы — точка зрѣнія эмпиріосимволистовъ—рѣшительно отвергается Махомъ

Ученіе Маха и эмпиріокритиковъ нуждается въ критикѣ, серьезной и научной марксистской критикѣ. Но что касается той критики, которую дала школа Плеханова—Ортодокса, эту критику по необходимости приходится признать, выражаясь на языкѣ французскихъ юристовъ, — nulle et non avenue: не имѣвшей мѣста.

Приключеніе V: сраженіе съ эмпиріомонистами.

Разсматривая дѣйствительность, какъ единый міръ живого опыта, а познаніе—какъ практическую оріентировку въ этомъ мірѣ, эмпиріокритики, несомнѣнно, стояли на вѣрномъ пути. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы на ихъ позиціи можно было остановиться. Ихъ анализъ, прежде всего, неполонъ.

Эмпиріокритики правы, когда характеризуютъ „психическій" опытъ, какъ опытъ, взятый въ его зависимости отъ индивидуума (нервной системы), и „физическій" опытъ, какъ опытъ, взятый внѣ этой зависимости. Но они неправы, когда считаютъ связь физическаго опыта независимой отъ всякаго субъекта. Физическій опытъ также имѣетъ своего „субъекта"; но это—коллективный субъектъ.

Эту, для непривычныхъ людей очень трудную мысль, я могу здѣсь пояснить только въ очень немногихъ словахъ.

Возьмемъ первичную оріентировку, какъ ее изображаетъ Авенаріусъ. Человѣкъ находитъ себя, со своими стремленіями, чувствованіями, представленіями, противостоящимъ средѣ, съ находящимися въ ней другими людьми; и высказыванья (т. е. дѣйствія, слова, жесты) этихъ другихъ людей онъ понимаетъ, какъ относящіяся къ „средѣ", къ различнымъ ея частямъ—„физическимъ комплексамъ". Уже тутъ видно, чѣмъ отличаются „физическіе комплексы" отъ „психическихъ": первые фигурируютъ въ высказываньяхъ и самого нашего героя, и другихъ людей; вторые же непосред-

ственно „высказываются“ только тѣмъ человѣкомъ, „психикѣ“ котораго они принадлежатъ. Первые являются „данными“ для многихъ, вторые—непосредственно только для одного.

Уже изъ этого видно, что физическій опытъ имѣетъ коллективнаго субъекта, какъ психическій—индивидуальнаго. Но какой это „коллективный субъектъ“? Просто та группа лицъ, которая случайно въ данное время находится въ одномъ „общемъ полѣ“, т. е. случайно сейчасъ могутъ видѣть и слышать другъ друга, или нѣтъ? Конечно, нѣтъ. Если бы такъ было, то нельзя бы было отличить яснаго сновидѣнія отъ дѣйствительности. Вѣдь въ систематическомъ сновидѣніи человѣкъ также находитъ и „себя“, и „среду“ и въ ней „другихъ людей“, и ихъ „высказыванья“ относятся къ той „средѣ“. Тѣмъ не менѣе эта мнимая „среда“ не есть „дѣйствительная“, т. е. не состоитъ изъ „физическихъ тѣлъ“, а есть только сложный психическій комплексъ. Какъ же объ этомъ узнаетъ нашъ „субъектъ“? Какая инстанція низводитъ „людей“ и „тѣла“ его сновидѣній на степень только психическихъ комплексовъ? Если вести анализъ до конца, не останавливаясь на промежуточныхъ ступеняхъ, то оказывается, что такая инстанція есть коллективъ въ его непрерывной жизнедѣятельности; и къ этому коллективу принадлежатъ всѣ люди, поскольку они взаимно понимаютъ высказыванья другъ друга, т. е. все человѣчество въ его развитіи.

Итакъ, мы имѣемъ: опытъ въ его зависимости отъ индивидуальнаго субъекта, или „психическій“, и опытъ въ зависимости отъ коллективнаго субъекта, или „физическій“. Если комплексъ „море“ берется въ его спеціальной связи съ даннымъ человѣческимъ индивидуумомъ, напр., созерцающимъ его туристомъ, то приходится говорить о „психическомъ комплексѣ“—„воспріятіи моря“; если же комплексъ „море“ берется въ его связи съ коллективнымъ субъектомъ—тѣмъ самымъ, который вѣками съ нимъ бо-

ролся, измѣрилъ, изслѣдовалъ, описалъ и покорилъ его,— тогда дѣло идетъ о „физическомъ явленіи“, о морѣ какъ дѣйствительности въ полномъ смыслѣ этого слова. Ибо здѣсь „море“ разсматривается, какъ „конкретная человѣческая дѣятельность“, какъ „живая практика“, каковой, по словамъ Маркса, является дѣйствительность въ ея научно-философскомъ пониманіи.

Понятно, что „море“ коллективнаго субъекта неизмѣримо богаче содержаніемъ (элементами) и неизмѣримо стройнѣе по связи этого содержанія, чѣмъ „воспріятіе“ или „представленіе“ моря у индивидуальнаго субъекта Этотъ фактъ, какъ мнѣ кажется, систематически упускается изъ виду Махомъ и эмпиріокритиками.

Теперь, если у насъ имѣется опытъ въ его зависимости отъ двухъ типовъ субъекта—индивидуальнаго и коллективнаго,—то для познанія возникаетъ новая задача: построить содержаніе опыта внѣ обѣихъ этихъ зависимостей. Это есть та самая задача, которая фетишистически формулировалась, какъ вопросъ о „вещи въ себѣ“. Если данное явленіе, въ его отношеніи ко мнѣ индивидуально,—выступаетъ, какъ „воспріятіе моря“, а въ его отношеніи къ развивающемуся человѣчеству, какъ „море — физическое тѣло“, объектъ естественно-научнаго познанія,—то какимъ представится оно внѣ того и другого отношенія, или, что, въ сущности, то же самое—въ его отношеніи только къ вселенной, какъ цѣлому?

Естественныя науки выдвигаютъ этотъ вопросъ неизбѣжно. Извѣстно, что море существовало еще тогда, когда ни индивидуальнаго, ни коллективнаго субъекта на землѣ не было. Значитъ, ни какъ „психическій“ опытъ (чье-либо „воспріятіе“ или „представленіе“), ни какъ „физическій“ (конкретная дѣятельность человѣчества въ его развитіи) оно тогда не являлось. Чѣмъ же оно было? Это и есть вопросъ о „морѣ“, взятомъ въ независимой связи его элементовъ,—не той „независимой“ связи, за которую эмпиріокритики ошибочно принимаютъ связь фи-

зическаго опыта, а дѣйствительно независимой связи, не отраженной въ личномъ сознаніи или коллективной практикѣ живыхъ существъ.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ теорія „подстановки“ или „непосредственныхъ комплексовъ“.

Вы бесѣдуете съ вашимъ другомъ. Что онъ такое? Комплексъ элементовъ опыта, разумѣется. Какой именно? Взятый въ отношеніи къ вамъ, какъ индивидууму (къ вашей нервной системѣ), онъ есть ваше „воспріятіе“. Взятый въ отношеніи къ коллективному субъекту, онъ есть „физическій комплексъ“—человѣческое тѣло. Но несомнѣнно, что онъ не только то и другое. Несомнѣнно, что за предѣлами обычнаго непосредственнаго опыта другихъ людей, онъ есть цѣлый міръ переживаній, включающій его сознаніе, его одно или нѣсколько „подсознаній“, и множество болѣе мелкихъ психическихъ группировокъ: современное познаніе склонно за всякой клѣткой принимать нѣкоторый комплексъ переживаній. Таковъ этотъ человѣкъ въ самомъ себѣ, взятый внѣ прямой зависимости отъ вашего индивидуальнаго и отъ коллективнаго субъекта. Вы знаете это; и какимъ бы путемъ вы ни приходили къ этому знанію,—путемъ ли удачной и неизбѣжной гипотезы, какъ думаютъ почти всѣ философы, или путемъ непосредственнаго общенія сознаній при какихъ-либо особыхъ условіяхъ,—это ваше знаніе даетъ вамъ реальную опору въ жизни. Это знаніе я называю „подстановкой“: подъ чужія высказыванья вы „подставляете“ индивидуальный опытъ.

Теперь, если человѣкъ „въ самомъ себѣ“ есть цѣлый, своеобразно организованный міръ элементовъ, въ отношеніи къ другому „индивидуальному субъекту“ онъ же выступаетъ какъ частное „воспріятіе“ въ ряду другихъ воспріятій, а въ отношеніи къ коллективному субъекту—какъ стройный, организованный комплексъ „физическое тѣло“,—то въ какомъ видѣ слѣдуетъ представлять себѣ единство этихъ трехъ моментовъ? Слѣдуя принципу—принимать для

явленій не больше причинъ, чѣмъ необходимо и достаточно для ихъ объясненія,—а таковъ принципъ науки вообще, мы приходимъ къ слѣдующему толкованію тройной связи. Комплексы элементовъ дѣиствуютъ другъ на друга, и вызываютъ одинъ въ другомъ измѣненія, а такимъ способомъ—„отражаются" одинъ въ другомъ. Если вашъ собесѣдникъ „въ самомъ себѣ" есть сложнѣйшій организованныи комплексъ элементовъ, а вы въ самомъ себѣ—другой подобный комплексъ, то понятно, что первый изъ нихъ, дѣйствуя на второй, своеобразно въ немъ „отражается"; и это отраженіе, называемое „воспріятіемъ", конечно, очень мало „похоже" на „отражаемый" комплексъ, и неизмѣримо бѣднѣе его содержаніемъ. Такъ „отраженіе" какой-нибудь гигантской звѣзды въ сѣтчаткѣ человѣка сводится къ относительно ничтожному и внѣшнимъ образомъ совсѣмъ не похожему на эту звѣзду небольшому химическому измѣненію нѣсколькихъ палочекъ и колбочекъ сѣтчатки.

Такимъ же образомъ и человѣкъ, какъ „физическое тѣло" есть отраженіе „человѣка самого по себѣ", но уже въ гораздо болѣе сложномъ и стройномъ комплексѣ—коллективно-организованномъ опытѣ, опытѣ коллективнаго субъекта.

Точно также любое живое существо, напр., свободно живущая клѣтка, — въ самой себѣ должна представляться какъ маленькій, ассоціативно или „психически" организованный мірокъ элементовъ, а „отражаясь" въ переживаніяхъ даннаго отдѣльнаго человѣка (разсматривающаго ее, напр., въ микроскопъ) она явится уже какъ гораздо болѣе бѣдный комплексъ—„воспріятіе" клѣтки, въ опытѣ же коллективно-организованномъ — какъ физическій комплексъ „клѣтка", объектъ біологическаго познанія.

Съ этой же точки зрѣнія, что представляетъ изъ себя, положимъ, солнце? Въ психическомъ опытѣ, т. е. какъ „воспріятіе", оно есть сравнительно небольшой комплексъ пространственныхъ, цвѣтовыхъ элементовъ и элементовъ „тепла". Въ физическомъ опытѣ это комплексъ такихъ же

и иныхъ элементовъ, но уже гигантскій: раскаленное сферическое тѣло, діаметромъ около полуторыхъ милліоновъ километровъ, какимъ его принимаетъ современная астрономія. А „въ самомъ себѣ"? Если мы знаемъ два „отраженія", то объ „отражаемомъ" солнцѣ въ „самомъ себѣ"—мы можемъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Во-первыхъ, тутъ его приходится представлять, какъ комплексъ несравненно болѣе богатый содержаніемъ (элементами), чѣмъ даже „физическій комплексъ", выступающій въ астрономіи. Но въ то же время, такъ какъ онъ не принадлежитъ къ „органической" природѣ, то надо принять, что это—комплексъ несравненно ниже организованный, чѣмъ какая-нибудь клѣтка; ему нельзя приписать такой, сравнительно сложной и сравнительно устойчивой связи элементовъ, какая характеризуетъ „сознаніе", „психику", даже самыя элементарныя „психическія переживанія", словомъ — никакой изъ формъ ассоціативной связи („память" и т. под.). Въ общемъ — это долженъ быть неизмѣримо-грандіозный потокъ хаотично-измѣнчивыхъ элементарныхъ комбинацій. Сколько-нибудь яснаго образа этого потока при нынѣшнемъ состояніи знаній мы составить себѣ не можемъ; но и о „непознаваемости" его или объ его „неизвѣстной намъ природѣ" говорить тоже не приходится, разъ и его матеріалъ (элементы) и форма (неустойчивыя группировки типа низшаго сравнительно съ ассоціативными) могутъ быть установлены хотя схематически.

Тотъ же способъ разсмотрѣнія можетъ (и долженъ) быть примѣненъ ко всякому явленію. И тогда весь міровой процессъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Это міръ „элементовъ", образующихъ безконечную цѣпь комплексовъ самыхъ различныхъ ступеней организованности; ея предѣломъ внизу является „хаосъ элементовъ", а ея высшія формы, какія намъ пока извѣстны, это „человѣкъ" и—еще выше — „коллективъ". Всѣ эти комплексы дѣйствуютъ другъ на друга, взаимно разрушая другъ друга въ „борьбѣ", взаимно связываясь въ процессѣ образованія бо̀льшихъ и

выше организованныхъ системъ, взаимно отражаясь одно въ другихъ. „Явленія психическія“—это отраженія самыхъ различныхъ комплексовъ въ такомъ изъ нихъ, который обозначается какъ „человѣческій индивидуумъ“, явленія „физическія“—въ такомъ, который называется „коллективный субъектъ“. Такова эмпиріомонистическая картина міра.

Философская школа, съ такой свирѣпой враждой относящаяся къ эмпиріомонизму, должна была, конечно, изслѣдовать и опровергнуть эту картину міра. Что же было сдѣлано школою?

Началось дѣло съ того, что эмпиріомонизмъ былъ смѣшанъ съ эмпиріокритицизмомъ. Это было бы еще, пожалуй, ничего; можно сказать: большихъ измѣненій сравнительно съ эмпиріокритиками не находимъ, считаемъ маленькой вѣтвью махизма. — Но курьезно то, что смѣшеніе шло наоборотъ: эмпиріокритики перечислялись въ эмпиріомонизмъ, о которомъ большинство ихъ тогда и не слыхивало, и который имъ долженъ представляться, какъ своеобразная метафизика. Бельтовъ употребляетъ терминъ „эмпиріомонизмъ“, какъ равнозначащій съ терминомъ „махизмъ“ (см, напр., примѣч. къ „Л. Фейербаху“, изд. 1905 г., стр. 112); а Ортодоксъ считаетъ даже возможнымъ въ прямыхъ цитатахъ изъ моихъ статей замѣнять слово „эмпиріокритицизмъ“ словомъ „эмпиріомонизмъ“ (стр. 177).

За извѣстными предѣлами эта тактика, впрочемъ, перестаетъ быть простымъ „невиннымъ недоразумѣніемъ“ А. Деборинъ, чтобы отожествить меня съ эмпиріокритиками, цитируетъ меня такъ, что вставляетъ два лишнихъ слова въ началѣ цитаты, выкидываетъ дюжину словъ, не дожидаясь точки, въ концѣ; и получается, прямо противоположно написанному мною, тотъ результатъ, что я признаю себя эмпиріокритикомъ и „демократомъ“, не болѣе того, въ философіи (рецензія въ „Соврем. Ж.“, 1907, I, 252—253).

Усовершенствовать этотъ пріемъ сумѣлъ лишь Н. Рах—овъ (его брошюра, стр. 65). Онъ беретъ одинъ абзацъ

изъ моей книги („Эмп-змъ“, ч. I, стр. 19, 3-е изд.), гдѣ излагается точка зрѣнія эмпиріокритиковъ на связь психическаго и физическаго, и выкидываетъ изъ него начало и конецъ, гдѣ говорится, что это не моя точка зрѣнія, и что я съ нею не согласенъ. Такимъ образомъ, опровергаемое мною мнѣніе благополучно приписывается мнѣ, и Н Рах—овъ развертываетъ далѣе противъ меня свой пафосъ. Но Н. Рах—овъ тутъ все-же не оригиналенъ. Тотъ же самый пріемъ былъ раньше его примѣненъ однимъ семинаристомъ, который доказывалъ не-бытіе божіе отъ Свящ. писанія: говорится, молъ, прямо въ псалтири Давида, въ такомъ-то псалмѣ—„нѣсть Богъ!“ А на дѣлѣ передъ этими словами въ псалмѣ сказано: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ“ *)...

Пробовали, далѣе, Ортодоксъ и Н. Рахметовъ критиковать мои взгляды на опытъ, какъ организованный „индивидуально“ или „коллективно“. Но они ухитрились такъ радикально меня не понять, что я при всемъ желаніи не могу здѣсь распутывать созданной ими по этому поводу путаницы: понадобилось бы слишкомъ много мѣста и времени. Въ общемъ, у нихъ выходитъ такъ, будто-бы, по моему мнѣнію, „организованное общество выдумало природу“ (стр. 179, „Фил. очерки“ Ортодокса). Читатель самъ видитъ, насколько это похоже на истину.

Что касается лидеровъ школы — Н. Бельтова и Г. В. Плеханова, то они, несмотря на мои приглашенія до послѣдняго времени по существу моихъ взглядовъ ни разу не критиковали, а ограничивались тѣмъ, что безчисленное

*) Этотъ способъ полемики посредствомъ фальшивыхъ цитатъ я откровенно характеризовалъ въ своемъ „Открытомъ письмѣ тов. Плеханову“ (Вѣстн. Жизни, 1907,7), сказавши, что это — „не критика, а какая-то... уголовщина“. Теперь Плехановъ въ своемъ фельетонѣ—отвѣтѣ на мое открытое письмо—передаетъ это мое замѣчаніе такимъ образомъ: „Вы утверждаете, что нѣкоторые изъ моихъ единомышленниковъ возводятъ на васъ чуть не „уголовное“ обвиненіе“. . Положительно, тутъ передъ нами какая-то фамильная болѣзнь „школы“.

множество разъ обзывали меня „эклектикомъ“, „ревизіонистомъ“, „идеалистомъ“, и особенно—„господиномъ Богдановымъ“ *).

Одинъ разъ глава „школы“, напоминая практикамъ марксистамъ примѣръ Фридриха-Вильгельма прусскаго, который предложилъ философу Вольфу выбирать между повѣшеньемъ и высылкой въ 24 часа,—весьма ясно внушалъ имъ мысль о желательности аналогичныхъ мѣръ по отношенію къ „эмпиріомонистамъ“ („Критика нашихъ критиковъ“, стр. IV—V). Дѣло шло, конечно, только объ „идейной“ высылкѣ; но административный смыслъ метода критики отъ этого, конечно, нисколько не измѣняется **). Признать подобнаго рода критику убѣдительной я, конечно, не могъ.... Но вотъ появилась статья Плеханова, посвященная мнѣ спеціально: фельетонъ подъ многообѣщающимъ заглавіемъ „Materialismus militans“—„воинствующій матеріализмъ“. И что же оказалось? На пространствѣ около $1^1/_2$ печатныхъ листовъ мой критикъ

*) Для менѣе освѣдомленныхъ читателей я поясню, въ чемъ, собственно, заключается доказательная сила этого послѣдняго аргумента. Въ нашей международной семьѣ титулъ „господина“ допускается примѣнять только по отношенію къ лицамъ, стоящимъ в н ѣ ея организаціи. Такимъ образомъ, дѣло сводится просто къ сообщенію читателямъ невѣрнаго свѣдѣнія, которое должно въ извѣстную сторону предрасполагать тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ означенной международной организаціи.

Въ своемъ послѣднемъ фельетонѣ (іюнь—іюль 1907 г.) Плехановъ къ перечисленнымъ выше эпитетамъ прибавилъ нѣсколько... уже просто ругательствъ. Понятно, что я здѣсь ихъ приводить не стану—желающіе могутъ обратиться къ подлиннику.

**) Этотъ комическій инцидентъ имѣлъ свое продолженіе. Въ упомянутомъ выше фельетонѣ Плехановъ заявляетъ, что онъ никогда не могъ и подумать о такомъ невозможномъ предложеніи, какъ—выслать меня изъ предѣловъ марксизма,- потому что я никогда въ этихъ предѣлахъ, и не находился. Очень хорошо,—но пожеланіе-то было высказано, ясное для всякаго, кто умѣетъ читать и понимать прочитанное, и высказано Бельтовымъ. Какъ же теперь Плехановъ объявляетъ его невозможнымъ?

Въ томъ же фельетонѣ Плехановъ упоминаетъ, что онъ „пересѣкъ много кошекъ“. Спеціальность, въ сво мъ родѣ... - почтенная, но увлекаться ею до того, чтобы продѣлать эту операцію надъ Н. Бельтовымъ!

какимъ-то образомъ сумѣлъ не выйти за предѣлы всѣ тѣхъ же „методовъ критики“.... Это можетъ показаться неправдоподобнымъ, но это такъ; всякій, кто прочитаетъ названную статью, убѣдится въ этомъ, и, вѣроятно, съ такимъ же удивленіемъ, какъ я.... Ни одинъ изъ философскихъ вопросовъ, подлежащихъ выясненію, по существу не разсматривается Кромѣ полемики, такъ сказать, абсолютной, т. е. не заключающей въ себѣ вообще никакого относящагося къ философіи содержанія, тамъ имѣется только пространная популяризація такихъ весьма извѣстныхъ и не разъ популяризированныхъ истинъ, какъ та, что матеріализмъ былъ въ XVIII вѣкѣ идеологіей революціонной буржуазіи, а что Энгельсъ былъ тоже матеріалистомъ и цѣнилъ французскихъ матеріалистовъ, не соглашался со скептиками и агностиками; затѣмъ, что существуетъ и теперь ученый—матеріалистъ—Эрнстъ Геккель, и т. д.... Какимъ образомъ весь этотъ популярно-историческій матеріалъ можетъ служить къ опроверженію философскихъ идей эмпиріомонизма,— это совершенно невыяснено, да врядъ ли и можетъ быть выяснено когда-бы то ни было. Дѣло остается въ прежнемъ положеніи на неопредѣленное время.

Одно только мнѣ кажется полезнымъ отмѣтить въ этой статьѣ, какъ фактъ чрезвычайно характерный и многое объясняющій во всей психологіи „школы“. Онъ заключается въ слѣдующемъ. Въ одной изъ предыдущихъ статей („Эмпизмъ“, III ч., предисловіе) я указывалъ, что примѣняемое Бельтовымъ опредѣленіе матеріализма „очень широкое, и это имѣетъ свои неудобства“. Оно сводится къ признанію „природы“ за первичное, а „духа“ за вторичное. При неопредѣленности этой антитезы получается неясность въ разграниченіи школъ, и создается возможность произвола въ этомъ отношеніи. Укажу, напр., на то, что Энгельсъ, исходя изъ этого опредѣленія англійскихъ агностиковъ *), „воскрешающихъ Юма“, относитъ къ матеріалистамъ, а

*) Упомянутая выше статья въ „Neue Zeit“ 1892. I, 1—2.

Плехановъ и его школа все, что находится въ какомъ бы то ни было родствѣ съ Юмомъ, считаютъ рѣшительнымъ идеализмомъ. И вотъ что теперь пишетъ Плехановъ по поводу моего указанія на неудобства такой классификаціи:

„Но подумали ли Вы, м. г., въ какое положеніе ставите Вы себя, нападая на принятое мною опредѣленіе матеріализма? Вамъ хотѣлось напасть на меня, а вышло, что Вы напали на Маркса и Энгельса. Вамъ хотѣлось исключить меня изъ школы этихъ мыслителей, а оказалось, что Вы выступаете въ качествѣ „к р и т и к а“ Маркса. Это, конечно, не преступленіе, но это фактъ, и притомъ фактъ, въ данномъ случаѣ весьма поучительный. Для меня вообще рѣчь идетъ не о томъ, чтобы п р е с л ѣ д о в а т ь Васъ, а о томъ, чтобы Васъ о п р е д ѣ л и т ь, т. е., чтобы выяснить моимъ читателямъ, къ какой именно категоріи любомудровъ Вы принадлежите“.

Я отмѣчаю только мимоходомъ явную неправду о моемъ „желаніи исключить“ Плеханова изъ школы Маркса—Энгельса; нѣтъ, въ этой великой школѣ есть и такія группы, какъ философская школа Бельтова; административная же точка зрѣнія „исключеній“, „высылокъ“ и т. под. всегда была мнѣ абсолютно чуждою. Отмѣчаю также мимоходомъ опредѣленно выраженное намѣреніе—не „преслѣдовать“, а „опредѣлять“,—т. е., очевидно, и впредь не спорить по существу дѣла, а... ограничиваться эпитетами. Главное, конечно, не въ этомъ. Главное — въ томъ поразительномъ умонастроеніи, при которомъ с ч и т а е т с я д о с т а т о ч н ы м ъ указать на то, что Энгельсъ былъ такого-то мнѣнія, а кто съ этимъ не согласенъ, хотя бы по такому вопросу, какъ выборъ удобной классификаціи, тотъ уже есть „критикъ“, и изслѣдовать дѣло по существу уже не требуется—можно „опредѣлять“...

При всемъ желаніи, я для такого умонастроенія не могу найти никакой иной характеристики, какъ назвать его р а б ь и м ъ.

Итакъ, никакихъ попытокъ бороться съ эмпиріомонизмомъ

на философской почвѣ со стороны школы Бельтова не было. Но она получила неожиданное подкрѣпленіе извнѣ, и ту самую критику, какую должна была бы дать она, выполнилъ эмпиріосимволистъ Юшкевичъ (первоначально— въ журналѣ „Книга“, 1907 г.).

Я не буду останавливаться на одномъ явномъ недоразумѣніи этого критика, которое онъ, вѣроятно, и самъ теперь признаетъ,—будто у меня не одинъ, а два разныхъ способа сводить къ монизму связь „физическаго“ и связь „психическаго“: съ одной стороны соотношеніе индивидуальной и соціальной организаціи опыта, съ другой стороны — теорія „подстановки“. Уже того, что мною изложено въ этой статьѣ, достаточно, чтобы видѣть, что тутъ одинъ методъ, а не два: самая „теорія подстановки“ основана именно на сопоставленіи индивидуальнаго и коллективнаго типа организаціи опыта.

Главное возраженіе П. Юшкевича направляется противъ теоріи „подстановки“; онъ находитъ, что это „панпсихизмъ“, и притомъ въ самомъ идеалистическомъ смыслѣ. По его мнѣнію, тѣ „непосредственные комплексы“ или „явленія въ самихъ себѣ“, о которыхъ говоритъ теорія подстановки,—это просто психическіе комплексы. Онъ считаетъ „схоластической тонкостью“ мое указаніе на различный типъ организаціи психическихъ комплексовъ съ одной стороны, и тѣхъ комплексовъ, какими являются „въ самихъ себѣ“ неорганическія тѣла или процессы—съ другой (въ первомъ случаѣ связь ассоціативная, во второмъ ея нѣтъ; въ первомъ случаѣ—отнесеніе къ индивидуальному субъекту, во второмъ—ни къ какому субъекту, а только ко вселенной въ цѣломъ).—„Но дѣло, вѣдь, въ томъ,—говоритъ критикъ,—что „непосредственные“ элементы г. Богданова лежатъ на одной линіи бытія съ „психическими“ комплексами: они только до послѣдней степени упрощенные и опустошенные психическіе комплексы“ („Книга“, 1907, № 21, стр. 4). И дальше онъ дѣлаетъ выводъ, что у меня „психическое пожираетъ физическое“, такъ какъ и

физическое оказывается „отраженіемъ“ непосредственныхъ (т. е, по мнѣнію критика, психическихъ) комплексовъ въ соціально-организованномъ опытѣ.

„На одной линіи бытія“—аргументъ, на видъ очень сильный. Но какъ же быть, если для всякаго дѣйствительнаго монизма и „линія“ то бытія всего одна? Вѣдь на той же „линіи бытія“ лежитъ для меня и физическій опытъ. Въ чемъ разница между „психическимъ“ и „физическимъ“ для самого Юшкевича, позитивиста школы Пуэнкаррэ? Въ типѣ связи элементовъ, какъ и для Маха, и для меня. „Элементы“ сами по себѣ нейтральны, не физическіе и не психическіе. Психическая связь вполнѣ опредѣленная—„ассоціативная“. Если этой связи нѣтъ, а имѣются комплексы связанные иной, несравненно болѣе простой и элементарной связью, связью по типу отличающейся отъ психической въ массѣ случаевъ не меньше, а больше, чѣмъ психическая отличается отъ физической, то какимъ образомъ позитивистъ можетъ говорить: а все-таки это психическое, только упрощенное и опустошенное. Почему онъ тогда не скажетъ, что и психическое есть только „упрощенное и опустошенное“ физическое? Можно, конечно, сказать, что напр., неорганическія вещества суть „упрощенныя и опустошенныя“ живыя тѣла; въ иныхъ случаяхъ это выйдетъ и вѣрно; но исторически-то вѣдь живыя тѣла произошли изъ неорганическихъ, а не наоборотъ. Точно также исторически психика, для меня, произошла изъ неорганизованныхъ комплексовъ, путемъ ихъ организаціи, дошедшей до опредѣленнаго типа, а не наоборотъ. Какъ же можно эти исторически-первичные комплексы считать просто „опустошенной и упрощенной“ психикой?

Если свое представленіе о связи этихъ первичныхъ комплексовъ мы всего легче можемъ получить, мысленно дезорганизуя связь психическую и устраняя въ ней ея отличительный, конститутивный признакъ—„ассоціативный“ характеръ, то это наиболѣе удобный путь потому, что она

есть связь низшаго типа, чѣмъ „физическая“, и отъ нея спускаться внизъ удобнѣе.

Можетъ быть, критикъ выразился неясно, а „идеалистическимъ“ ему кажется самый методъ подстановки, который первоначально примѣняется именно по отношенію къ людямъ, какъ способъ пониманія ихъ „психики“? Но увы! этотъ же самый методъ, пройдя извѣстную эволюцію, создалъ и „матеріализмъ“: подстановка „матеріи“ подъ видимость явленій есть только преобразованная форма той же самой, первоначальной подстановки. Надѣюсь, изъ-за этого Юшкевичъ не станетъ обвинять матеріалистовъ въ идеализмѣ...

Все дѣло въ томъ, что къ міровоззрѣніямъ, берущимъ за исходную точку міръ элементовъ опыта, и считающимъ „физическое“ и „психическое“ лишь типами связи этихъ элементовъ, къ такимъ міровоззрѣніямъ старыя понятія философскаго матеріализма и идеализма просто непримѣнимы. И въ особенности непримѣнимы они къ эмпиріомонизму, для котораго и психическая, и физическая связь элементовъ—только эпизоды въ развитіи формъ и типовъ организаціи элементовъ въ комплексы Universum'a.

Итакъ, въ общефилософскихъ вопросахъ вмѣсто Бельтовской школы, но въ ея духѣ выступилъ эмпиріосимволистъ,—приключеніе само по себѣ довольно оригинальное. Особенно оригинально здѣсь то, что если, подобно Юшкевичу, считать возможнымъ примѣненіе понятія „идеализмъ“ къ школамъ, стоящимъ на почвѣ „міра элементовъ“, то самъ Юшкевичъ окажется самымъ несомнѣннымъ и чистымъ идеалистомъ въ духѣ Платона. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь для него „реальность“—это эмпиріосимволъ, т. е. нѣкоторая сумма элементовъ, связанная по типу символа („Очерки по философіи марксизма“, сборникъ 1908 г., стр. 188). Символъ же есть идеологическая форма, и значитъ „реальность“ у Юшкевича имѣетъ идеологическій характеръ—„идеализмъ“, очевидно, крайній.

Єти строки ужебыли написаны, когда мнѣ удалось познакомиться съ новой книгой Юшкевича—„Матеріализмъ и критическій реализмъ“. Въ этой книгѣ онъ, между прочимъ, повторяетъ, въ болѣе развитой формѣ, ту критику подстановки, которую я сейчасъ разобралъ; существо дѣла остается то же, и я могу по этому пункту пока ограничиться тѣмъ, что сказано. Но любопытенъ способъ, которымъ Юшкевичъ пытается защитить себя отъ упрека въ платонизмѣ. Въ жизнь свою я не видалъ болѣе слабой самозащиты, болѣе безнадежной. Онъ принужденъ согласиться съ тѣмъ, что „эмпиріосимволъ“ есть а б с т р а к ц і я, т. е., какъ я сказалъ выше— форма идеологическая. „Но,—говоритъ онъ,—дѣло въ томъ, что есть абстракціи и абстракціи. Не всякая абстракція уже тѣмъ, что она абстракція, есть нѣчто невѣсомое, призракоподобное, „субъективное“. Какъ маховскіе элементы являются физическими или психическими въ зависимости отъ той связи, въ какой ихъ берутъ, такъ можно это сказать и о тѣхъ эмпиріосимволахъ, изъ которыхъ, по предлагаемой теоріи, строится міръ“... И далѣе онъ поясняетъ: „Если „мысль“ о законѣ Ньютона (или вообще о какомъ-нибудь законѣ природы) отличается отъ закона „самаго по себѣ“ только направленіемъ изслѣдованія, только точкой зрѣнія, то почему не можетъ быть того же самаго, напр., съ моей „мыслью“ о матеріи, съ моимъ эмпиріосимволомъ матеріи? Взятый объективно, эмпиріосимволъ будетъ обладать протяженіемъ вѣсомъ, и вообще всѣмъ, что полагается научно имѣть матеріи; въ субъективной связи это будетъ, конечно, непротяженная, невѣсомая и т. д., „абстракція“ (стр. 180—181).

Нечего сказать, славные „символы“, обладающіе „протяженіемъ, вѣсомъ и т. д.“! Недурной „эмпиріосимволъ“ какой-нибудь броненосецъ, въ милліонъ пудовъ вѣсомъ, не теряющій отъ того своей „символичности“, но утѣшающій себя въ ней тѣмъ, что это—символичность, взятая „объективно“. Это хорошо, пожалуй, какъ политическая насмѣшка

надъ нашимъ морскимъ вѣдомствомъ, но развѣ это можно говорить серьезно? „Абстракція“, обладающая „вѣсомъ“,— ну, какая же это „абстракція“? Совершенно ясно, что это просто беззаконное употребленіе терминовъ, какъ попытка выйти изъ безысходнаго положенія.

Чувствуя, что это спасти не можетъ, Юшкевичъ цѣпляется за другую соломинку:

„Что касается упрека въ платонизмѣ, то замѣчу, что эмпиріосимволы—это не копіи. Путь эмпиріосимволизма ведетъ къ образованію не такихъ пустыхъ и бѣдныхъ содержаніемъ понятій, какъ „лошадь вообще“, „столъ вообще“, а такихъ богатыхъ и многозначительныхъ абстракцій, какъ „атомы“, „матерія“, „энергія“, „электроны“ и пр... (стр. 181). Какъ будто недостатокъ платоновскихъ идей только въ томъ, что онѣ „бѣдны“, что онѣ—„копіи“! Какъ будто „богатая“ абстракція больше годится для сраженія при Цусимѣ, чѣмъ „бѣдная“!

Нетрудно объяснить себѣ, какимъ образомъ такой эмпиріосимволистъ могъ явиться замѣстителемъ бельтовской школы въ критикѣ моихъ взглядовъ. Сводя міръ опыта къ „эмпиріосимволамъ“, онъ, въ сущности, понимаетъ опытъ индивидуалистически и „психически“, подобно этой школѣ. Его собственный анализъ эмпиріосимвола (см. сборникъ „Очерки по философіи марксизма“) прекрасно показываетъ, что эмпиріосимволъ есть ассоціативная, т. е. собственно „психическая“ группировка: такія характеристики эмпиріосимвола, какъ „условность“ и „замѣщеніе“ никакъ уже нельзя отнести къ „объективной связи“. Слѣдовательно, въ пониманіи опыта онъ сходится со школой Бельтова, и потому долженъ сойтись съ нею въ критикѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ именно объ этомъ пониманіи, гдѣ въ противовѣсъ ему выдвигается, какъ у меня, коллективистическое пониманіе. Юшкевичъ ухитряется подобно Ортодоксу, не понять и Маха, смѣшать его съ Юмомъ считая, что „маховскій міръ“ построенъ „изъ ощущеній“ стр. 179), тогда какъ Махъ говоритъ объ „элементахъ“,

которые въ субъективной только связи являются „ощущеніями“. Эта близость со школой Плеханова приводитъ Юшкевича и къ цитированнымъ выше экскурсіямъ въ область „законовъ самихъ по себѣ“—явныхъ аналоговъ плехановскихъ „вещей въ себѣ“. Вообще же Юшкевичъ, очевидно, мыслитель далеко не установившійся и не успѣвшій въ своемъ міровоззрѣніи свести концы „символическіе“ съ концами „реальными“. Онъ уже успѣлъ пристать къ Пуэнкаррэ, но не отсталъ еще и отъ Бельтова; отсюда его идеалистическія построенія и наивно-матеріалистическая критика, идущія рядомъ вопреки всѣмъ законамъ естества. Подобные промежуточные типы чаще всего кончаютъ на пути... мистицизма. Только отказъ отъ индивидуалистическаго пониманія опыта могъ бы спасти нашего эмпиріосимволиста отъ этого исхода.

Возвращаюсь теперь къ подлинной Бельтовской школѣ и ея критикѣ эмпиріомонизма. По вопросамъ историко-философскимъ атаку велъ, главнымъ образомъ, Ортодоксъ. Тутъ, какъ читатель, вѣроятно, уже догадывается, дѣло свелось къ „изложенію“. Когда я указывалъ, что все соціальное психично въ точномъ смыслѣ этого слова, ибо всякая соціальность, всякое „общеніе“ людей предполагаетъ ихъ психическую дѣятельность, то Ортодоксъ, съ одной стороны, призналъ это истиной (еще бы не признать!), но „банальной и очевидной“, а съ другой стороны, подмѣнивши психологію—идеологіей, сдѣлалъ выводъ, что у меня все соціальное — идеологично. Для большей убѣдительности, была приведена даже цитата въ кавычкахъ, но съ измѣненіемъ моихъ словъ именно въ такомъ направленіи, въ какомъ требовалось. Всѣ эти маленькія приключенія я уже разоблачалъ однажды, и теперь не буду на нихъ останавливаться (См. „Философ. очерки“ Ортодокса, стр. 180, 183 и „Эмпиріомонизмъ“ Богданова, ч. III, стр. XLIII—XLIV).

Конечный результатъ критики моихъ взглядовъ Бельтовской школой я могу формулировать такъ: при всемъ

моемъ глубокомъ желаніи вынести для себя что-нибудь поучительное изъ этой критики, я никакъ не могъ сдѣлать этого. Что же касается ознакомленія съ нѣкоторыми полемическими пріемами этой школы, то и они были мнѣ уже извѣстны—изъ „Эристики“ Шопенгауэра.

Заключеніе: тѣнь Маркса.

Школа Плеханова-Ортодокса беретъ себѣ привилегію на марксизмъ въ философіи, и повсюду громко о ней заявляетъ; и это, въ сущности, есть главный аргументъ школы противъ всѣхъ противниковъ. Принимая этотъ аргументъ на вѣру, многіе товарищи свое безграничное довѣріе къ авторитету Маркса переносятъ на означенную школу, и искренно негодуютъ на всѣхъ „еретиковъ", изнутри осаждающихъ „философію марксизма". Я привелъ здѣсь не мало данныхъ, показывающихъ, насколько законно заявлена привилегія.

Внимательно изучая тотъ, — къ сожалѣнію, правда, не полный и не достаточный, — философскій матеріалъ, который остался отъ Маркса и Энгельса, довѣрчивые товарищи и безъ этихъ указаній пришли бы къ большимъ недоумѣніямъ. Прежде всего, тщетно они стали бы искать тамъ чего-нибудь похожаго на тѣ сопоставленія „матеріи" и „опыта", которыя служили исходной точкой для нашей отечественной школы. Ничего похожаго на аскетически-унылыя разсужденія о мірѣ опыта, какъ „субъективныхъ", личныхъ переживаніяхъ, не представляющихъ истинной дѣйствительности, а только „гіероглифы" чего-то... чего то... Ничего похожаго на благоговѣйно-торжественныя заявленія, что „матерія"—это первопричина, и, какъ таковая, не подлежитъ опредѣленію и объясненію, подобно богу теологовъ. Напротивъ, тамъ нашлись бы прямыя и рѣшительныя опредѣленія „міра предметнаго", т. е. объективнаго, какъ міра „чувственно-дѣйствительнаго" (sinnlich wirkliche. „Nachlass", т. II,

стр. 304, и другія мѣста въ томъ же смыслѣ). Далѣе, ничего похожаго на бельтовскую „объективную истину“ навѣки, а напротивъ—опредѣленно-текучій критерій истины,—человѣческая практика. А вѣдь это все – о с н о в ы философскаго міровоззрѣнія.

Не нашлось бы, конечно, у Маркса и Энгельса также тѣхъ методовъ критики, которые примѣняются „школою“ къ махизму и эмпиріомонизму. И вмѣстѣ съ тѣмъ, неожиданно для довѣрчиваго читателя, оказалось бы, что одни и тѣ же крупныя литературно-философскія явленія очень различно оцѣниваются міровыми учителями и — россійской школою. Такъ, Дицгена Плехановъ разсматриваетъ, какъ мыслителя довольно слабаго, въ философіи мало-образованнаго, и впадающаго иногда даже въ криминальное сходство съ „г. Богдановымъ“; Н. Рах—овъ говоритъ о Дицгенѣ, какъ философѣ „идеалистически настроенномъ и немного наивномъ“ (стр. 41 брошюры). А Энгельсъ говоритъ о Дицгенѣ, какъ о философѣ, о т к р ы в ш е м ъ м а т е р і а л и с т и ч е с к у ю д і а л е к т и к у независимо не только отъ Маркса и Энгельса, но и отъ Гегеля.... („Л. Фейербахъ“) *).

Я, впрочемъ, не думаю, чтобы Марксъ и Энгельсъ были во всемъ и вполнѣ согласны съ Дицгеномъ. Но для нихъ всего дороже была общая и основная линія работы. Частичныя же разногласія они, если бы нашли время, конечно, выяснили бы путемъ критики Дицгена,—но только путемъ критики по существу, а не посредствомъ „опредѣленія“ Дицгена эпитетами.

Во всякомъ случаѣ, надъ философіей пролетаріата рабо-

*) Сторонники Плеханова указывали мнѣ, какъ на подтвержденіе его отзыва о Дицгенѣ, на одно замѣчаніе въ письмѣ Маркса къ Кугельману, гдѣ говорится, что въ присланной Марксу рукописи Дицгена на ряду съ „множествомъ превосходныхъ мыслей“ есть „нѣкоторая путаница понятій“. Это письмо написано въ 1868 г., и относится къ отрывку первоначальнаго набр:ска первой философской работы Дицгена. Цитированный же мною отзывъ Энгельса напечатанъ с п у с т я 20 л ѣ т ъ, когда Дицгенъ-философъ былъ уже весь на-лицо, а не в ъ б у д у щ е м ъ. Ясно, что два отзыва просто несоизмѣримы.

та необходима,—не только потому, что Марксъ и Энгельсъ не успѣли достаточно полно ее формулировать, но и потому, что накопляется новый научный матеріалъ, который долженъ быть учтенъ философіей. Можетъ ли остаться безъ вліянія на нее, напр., та великая научно-техническая революція, которая идетъ на нашихъ глазахъ? И традиція Маркса—Энгельса должна быть дорога намъ не какъ буква, но какъ духъ...

Отношеніе ихъ къ нынѣшней философской, какъ и всякой иной марксистской работѣ я представляю себѣ, въ образной формѣ, такъ:

Жили среди человѣчества два могучихъ кузнеца, и искали, гдѣ примѣнить свою великую силу. Увидали они что поднимается новая армія, которой предстоятъ гигантскія битвы и невиданныя побѣды. И стали они въ ряды этой арміи, чтобы ковать для нея оружіе. Ковали они мощно и неустанно, какъ никто, никогда на землѣ. Разлетались ослѣпительныя искры изъ-подъ тяжелыхъ молотовъ, дробилось все, что негодно и непрочно, и выходила изъ рукъ оружейниковъ сверкающая и рѣжущая, надежная сталь. Не все успѣли они выковать, что арміи надо; закону времени подчинены были и они, пришлось и имъ въ свой чередъ сойти въ могилу. Но умирая, не боялись они за свое дѣло, знали, что продолжатъ его другіе; и если не будетъ такихъ сильныхъ, какъ они, то замѣнятъ личную силу коллективной работой. И былъ завѣтъ двухъ оружейниковъ товарищамъ; не жалѣйте о насъ и не считайте себя слабѣе безъ насъ; но идите впередъ, и вы выполните то, чего мы не успѣли. Не бойтесь за будущее, вѣрьте въ свое дѣло, и не смущайтесь ошибками, которыя неизбѣжны. Все будетъ тогда сдѣлано въ свое время; лишь бы кипѣла борьба и работа, и не было въ ней ни остановки, ни примиренія, и разгоралось бы въ ней ярче и ярче великое пламя общей любви и общей ненависти пролетаріата.

Этотъ завѣтъ мы исполнимъ, и дѣло — по мѣрѣ силъ нашихъ—продолжимъ...